

Социологические парадигмы второй половины XX века

Хрестоматия

Екатеринбург

2002

Социологические парадигмы второй половины XX в.: Хрестоматия / Под ред. С. П. Мамай. Екатеринбург, 2002. 108 с.

В Хрестоматию входят переводы работ видных социологов, которые дают представление об основных направлениях развития социологической теории во второй половине XX в. Целью этой книги было показать многообразие социологической теории после окончания второй мировой войны.

В социологии не сложилось общепризнанной систематизации научных парадигм этого периода, поэтому представленное в Хрестоматии деление (теории социального конфликта, структурно-функциональный подход, концепции микровзаимодействия) отражает лишь один из возможных подходов.

Перевод работ подготовили: канд. филос. наук Л. А. Журавлева, д-р филос. наук С. А. Белановский, канд. филос. наук С. П. Мамай.

Хрестоматия предназначена для преподавателей-обществоведов начальных и средних профессиональных учебных заведений, для преподавателей высших учебных заведений всех специальностей, а также для студентов начальных курсов высших учебных заведений, изучающих курс «социология».

Рецензенты: д-р социол. наук А. И. Кузьмин; канд. филос. наук Ю. В. Миков

© Российский государственный
профессионально-педагогический
университет, 2002

© Мамай С. П., 2002

Предисловие

Цель этой Хрестоматии – познакомить российского читателя (в первую очередь, преподавателей и студентов вузов, преподавателей гуманитарных дисциплин начальных и средних профессиональных учебных заведений) с развитием теоретической мысли в социологии в послевоенный период (вторая половина XX в.).

Для составителя было важно представить материал таким образом, чтобы:

- он давал сравнительно цельное представление о социологических парадигмах последних десятилетий,
- в ясной и достаточно простой форме выражал суть (главным образом, достоинства и преимущества) каждого из представленных подходов,
- знакомил читателя с оригинальным стилем и манерой изложения видных представителей основных направлений социологической мысли.

Несмотря на то, что в последние десять лет в России было издано большое число работ в области теории социологии, недостаток литературы продолжает сохраняться; особенно это касается второй половины нашего века. Кроме того, для студентов непрофильных специальностей и для студентов-социологов младших курсов зачастую сложно изучать фундаментальные социологические труды, да и не всегда это нужно. В то же время знакомство с первоисточниками представляется крайне необходимым для полноценного и эффективного обучения. В этом случае свою положительную роль может сыграть данная Хрестоматия, специально подобранные тексты которой позволят непосредственно познакомиться с теоретическими подходами в социологии через работы известных представителей этих теоретических направлений, сохранив в то же время доступность и простоту понимания изложенного материала. Самой большой проблемой было систематизировать огромное множество социологических концепций, после чего и на основе чего уже и подбирались соответствующие тексты.

Систематизация социологических теорий (а в более широком смысле – социальных) представляется крайне нелегким делом. Особенно трудно проделать

эту процедуру для какого-то отдельного, пусть и сравнительно цельного, исторического периода. Человеческая мысль не приемлет временных границ и системных ограничений. Она уникальна, особенно когда это касается такого сложного и неоднозначного явления как общественная жизнь.

При составлении Хрестоматии не ставилось задачи предложить оригинальный подход, который систематизировал бы социологические теории, получившие развитие во второй половине XX в. В то же время не было возможности обратиться к какой-то общепринятой схеме, которой просто не существует. Многие авторы вообще избегают каким-либо образом систематизировать социологические теории. В результате в их обзорах предлагается для рассмотрения произвольный набор теорий; при этом почти никак не обосновывается сам выбор этих теорий. По этому пути пошли, например, Рэй Казорт и Эдит Кинг, авторы учебного пособия «Социальная мысль XX в.» [11]. Этого же подхода придерживается Джордж Ритцер в своей книге «Социологическая теория» [23]. В этой связи уместно процитировать Алана Уэлса, автора-составителя Хрестоматии «Современные социологические теории», также придерживающегося этой точки зрения: «Мое собственное деление (социологических теорий – прим. ред.) по сути своей прагматично и базируется на заключении, что социологические теории нельзя просто разделить на три или четыре категории» [7, с. 5].

В этих обстоятельствах представляется оправданным рассмотреть существующие в литературе подходы и взять то общее, что их объединяет. Продуктом этого процесса и явилась, в конечном счете, предложенная нами схема деления всех социологических теорий второй половины XX в. на три крупные концептуальные направления (или парадигмы):

- *теории социального конфликта* – в Хрестоматии представлены работами Джонатана Тернера «Основные направления синтеза диалектической и функциональной теорий конфликта» 1975 г. [28] и Рэндала Коллинза «Конфликтный» подход к теории стратификации» 1975 г. [5];

- *структурно-функциональный подход* – представлен тремя работами Талкотта Парсонса «Очерк структурно-функциональной теории социальных систем» 1949 г. [21], «Новые тенденции в структурно-функциональной теории» 1964 г. [14], «Функциональная теория изменения» 1966 г. [25];

- *концепции микровзаимодействия* – представлена работой Герберта Блумера «Символический интеракционизм» 1969 г. [4].

Эта схема, конечно же, неидеальна, поскольку она, во-первых, несет на себе некоторые субъективные предпочтения автора-составителя, несмотря на все усилия не допустить этого; во-вторых, в какой-то мере упрощает и огрубляет реальную картину социологической мысли. Вместе с тем, она больше всего подходит для учебных целей.

В пользу такой схемы прямо или косвенно высказываются многие социологи. Так, весьма распространен подход, при котором все современные социальные теории относятся либо к системным (структурным) концепциям, которые исследуют общество на макроуровне, либо к концепциям действия (интерпретационным), которые изучают отдельных людей и небольшие группы на микроуровне (см., например, книгу Джейн Томпсон и Джуди Пристли «Социология: Вводный курс») [2, с. 404 – 405]. При этом системные концепции подразделяются на структурно-функциональные и теории социального конфликта, а интерпретационные включают в себя целый спектр теорий, в основе которых в той или иной степени лежит взаимодействие людей на микроуровне. Аналогичного подхода придерживается Нейл Смелзер [1, с. 22 – 23] и другие социальные исследователи.

Другие социологи уходят от удобной, но чересчур простой и однобокой схемы деления на микроуровень и макроуровень и пытаются заложить в основу систематизации более сложные критерии. Е. Куф, В. Шэрок и Д. Франкис попытались идти другим путем, хотя и пришли к похожим выводам [10, с. 12–14]. Они выделили две категории теоретических подходов. Первая из них, по мнению этих авторов, при исследовании социальных явлений фокусируется на «всем обществе, его структуре и отношениях между его отдельными частями». В эту категорию входят: теоретический подход, основанный на консенсусе (читай, функционализм), теоретический подход, основанный на конфликте (читай, теории социального конфликта), а также структуралистский подход (Клод Леви-Стросс, Жак Деррида и др.). Вторую категорию составляют подходы, базирующиеся на «значении» и «действии». Сюда относятся «символический интеракционизм» и «этнометодология». Эти подходы концентрируют свое внимание на изучении малых социальных групп так же, как и структурализм, отнесенный ими к первой категории. Но, в отличие от структурализма подходы, основанные на «значении» и «действии» исследуют социальные ситуации с точки зрения действующих субъектов, вовлеченных в сам процесс ситуации.

Известный английский социолог Энтони Гидденс при систематизации социологических теорий закладывает целую группу критериев, в результате чего он выделяет четыре парадигмы в социологии: функционализм, структурализм, марксизм, символический интеракционизм [16, с. 702 – 703]. Если принять во внимание то, что под «марксизмом» понимаются по сути теории социального конфликта, а «символический интеракционизм» заменяет все концепции, основанные на понятиях «значение», «коммуникация», и «перевод» или «интерпретация» (см. его же работу «Социальная теория сегодня») [26, с. 2 – 3], то обнаруживается, что подход Э. Гидденса близок к тому, что был использован при составлении этой Хрестоматии.

Похожее деление предложил Рэндал Коллинз в книге «Четыре социологические традиции; четвертое издание» [6, с. v - vii]. К числу «великих» социологических подходов он относит: а) конфликтный» подход (теории конфликта); б) Дюркгеймовскую традицию, основанную на консенсусе (сюда он включает, с одной стороны, структурно-функциональный подход, с другой стороны, теории, основанные на механизмах социального ритуала, поддерживающих солидарность в социальной группе, например, исследования Э. Гофмана ритуалов повседневной жизни); в) микровзаимодействие как социологический подход, основанный на идеях Дж. Г. Мида, Ч. Кули, В. Томаса, представителями которого выступают Г. Блумер (символический интеракционизм), Альфред Шюц и Гарольд Гарфинкель (соответственно, феноменология и этнометодология); г) утилитаризм как социологический подход, более известный как «теория обмена» или «рациональный выбор».

Интересно отметить, что в третьем издании своей книги Р. Коллинз выделял только три первых из отмеченных выше подходов [6, с. vii]. Однако, специфика «теории обмена» показалась ему столь значительной, что он счел возможным выделить ее в отдельный теоретический подход. В целом позиция Р. Коллинза также достаточно близка той, что использовалась при составлении данной Хрестоматии.

Наконец, целая группа социологов использует систематизацию социологических теорий, практически идентичную предложенной нами. И это не случайно, так как такое деление очень удобно при подготовке учебных пособий. В этой связи отметим лишь двух авторов. Джонатан Тернер в учебнике «Социология: Наука человеческой организации» выделяет функциональный подход, «конфликтный» подход и концепцию интеракционизма [27, с. 28 – 35].

Скотт и Салли МакНэл в своем учебнике «Социология» [19, с. 18–23] рассматривают все социологические теории в рамках трех подходов: структурный функционализм, теории социального конфликта, концепции интеракционизма (взаимодействия), причем если первые два подхода в их представлении (как и соответствующие в схеме Дж. Тернера) исследуют общество на макроуровне, то последний – на микроуровне. К концепциям интеракционизма Скотт и Салли МакНэл отнесли теорию обмена, этнометодологию, символический интеракционизм и драматургический подход Э. Гофмана.

Предлагаемая Тернером и МакНэл схема представляется нам весьма простой и удобной для обучения, и в то же время достаточно обоснованной, в основе которой лежат сразу несколько критериев.

Отметим еще раз, что предлагаемое в этой Хрестоматии деление социологических теорий на три большие группы объясняется во многом целью данной работы, а именно: дать через первоисточник представление о социологических теориях второй половины XX в. в максимально удобной форме.

По техническим причинам издание Хрестоматии задержалось на несколько лет и содержание его уменьшилось примерно в два раза за счет того, что ряд работ, дающих более полное представление о развитии теории социологии данного периода, не был включен в окончательную редакцию. Выражаем надежду, что эти работы появятся в следующем выпуске Хрестоматии.

Хотелось бы выразить благодарность переводчикам за их труд и терпение. Перевод осуществили: работы Г. Блумера – канд. филос. наук Л. А. Журавлева, работ Т. Парсонса – доктор филос. наук С. А. Белановский (тексты приводятся в редакции переводчика), работ Дж. Тернера и Р. Коллинза – канд. филос. наук С. П. Мамай.

Все тексты даются с незначительным сокращением.

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Появление теории социального конфликта в современной социологии изначально было воспринято противниками функционализма как новая общенаучная основа взамен структурно-функциональному анализу. В действительности, единой и цельной теории конфликта так и не было создано, а существующие в рамках этого направления теоретические подходы по-разному видят как предмет своего исследования, так и методологический подход к исследованию социального конфликта.

Современные последователи теории социального конфликта в разной степени опираются на идеи К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля. Соответственно, они приходят к разным выводам. Если взять то общее, что объединяет разные направления этого теоретического подхода, то можно сказать, что теория социального конфликта рассматривает наличие конфликта и разногласия в обществе как норму и полагает, что каждое общество претерпевает непрерывные изменения вследствие конфликтов. Теоретики социального конфликта отрицают, что каждый элемент общества вносит свой вклад в его целостность и стабильность.

Среди наиболее известных представителей теории социального конфликта можно назвать таких социологов как Ральф Дарендорф [12], Рэндал Коллинз [5], Льюис Козер [9, 8].

В Хрестоматию включены: а) работа Дж. Тернера «Основные направления синтеза диалектической и функциональной теорий конфликта» [28], в которой делается попытка сравнительного анализа идей двух очень разных представителей теории конфликта – Дарендорфа и Козера, б) работа Р. Коллинза «Конфликтный» подход к теории стратификации» [6], в которой делается попытка дать стратификационную модель общества (а также описать взаимоотношения между индивидами) на основе «конфликтного» подхода, но с привлечением идей концепции микровзаимодействия.

Джонатан Тернер

Основные направления синтеза диалектической и функциональной теорий конфликта

(из журнала «Social Forces», № 53, March 1975)

Растущее разочарование структурно-функциональной теорией в течение последних двух десятилетий сопровождалось ростом альтернативных теоретических подходов. Одной из наиболее заметных среди этих альтернатив стала «теория конфликта», которая, возможно, заново открыла для социологии такие понятия как власть, насилие, принуждение, социальный контроль, социальные изменения. Несмотря на бурную полемику, почти постоянно сопровождавшую этот процесс, был сделан ряд впечатляющих попыток развить теоретические положения по некоторым вопросам социальных процессов, имеющих «конфликтную» основу. В качестве примера следует назвать научные изыскания Р. Вильямса, Р. Дарендорфа, Л. Козера, Д. Локвуда, Д. Рекса. Одним из недостатков этих новых научных подходов является то, что в них почти не предпринимались попытки синтеза, согласования и интегрирования различных теоретических положений в единую и цельную теоретическую систему. В результате, опубликованные в печати концептуально близкие теоретические положения оказались по существу не связанными друг с другом.

В данной статье я хотел бы положить начало процессу изменения этой ситуации посредством сравнительного анализа очень известных концепций, относящихся к «конфликтному» подходу в социологии: функциональной теории конфликта Льюиса Козера и диалектической теории конфликта Ральфа Дарендорфа. Эти две концепции (функциональная и диалектическая) были отобраны потому, что они часто рассматриваются как противоположные друг другу. Таким образом, если удастся синтезировать основные положения этих двух подходов, то другие теории конфликта имеют, соответственно, еще больше шансов для интеграции, давая тем самым возможность развития унифицированной теории «конфликтных» процессов.

Прилагая усилия в этом направлении, я постараюсь уделить внимание тому, как исходные теоретические представления Козера и Дарендорфа могут быть преобразованы в близкие друг другу по смыслу положения. Основным

методом анализа выступает сравнение соответствующих идей этих двух теоретиков «конфликта», так как именно при такой постановке вопроса: 1) причинные отношения между понятиями могут быть точно обозначены, 2) общее и различия между двумя подходами становятся легко различимыми, 3) появляются хорошие перспективы для операционализации и проведения эмпирического исследования. Итак, я решил сосредоточить усилия на анализе отдельных теоретических положений двух авторов, так как это единственная форма, позволяющая сделать исходные теоретические подходы достаточно удобными для предварительных попыток синтеза. Последний будет всего лишь первым шагом длительного пути превращения различных теоретических подходов в единую и стройную систему. После этого, критически проанализировав полученный результат, следует посмотреть, что же он может дать для социологической теории в целом.

Различия в исходных посылках

В своих усилиях вывести социологическую теорию за рамки «функциональной утопии», Р. Дарендорф переформулировал в еще более резкой форме некоторые из ключевых идей Маркса, представив их следующим образом: 1) общественная жизнь есть отражение противоположных интересов, связанных с имеющимися различиями в распределении власти; 2) противоположные интересы будут неизбежно приводить к конфликту между теми, кто имеет власть и теми, кто ее не имеет; 3) социальный конфликт по сути своей диалектичен, так как разрешение одного ряда конфликтных отношений создает условия для возникновения новых противоположных интересов, что, в свою очередь, снова порождает социальный конфликт; 4) социальное изменение, вытекающее из диалектики конфликта, есть, следовательно, неизбежная черта общественных систем.

Вслед за Дарендорфом Л. Козер также полагает, что функционалисты слишком часто пренебрегают понятиями «власть» и «социальный интерес». Но, в противоположность Дарендорфу он не следовал одной из основных идей Маркса о диалектике конфликта и ее последствиях в виде нескончаемых преобразований общественных систем. Вопреки этому, Козер старался исправить односторонность Дарендорфа, заменяя ее другой односторонностью, делая акцент на «интегративной» и «адаптивной» функциях конфликта применительно к об-

ественным системам. Размышляя таким образом, Козер пришел к необходимости принять многие идеи органицизма Зиммеля, относящиеся к его раннему периоду исследования социального конфликта. На их основе он выдвинул следующие основополагающие идеи: 1) общественная жизнь тяготеет к самоорганизации в виде систем, внутри которых появляется дисбаланс, напряженность и конфликт интересов, 2) в общественных системах протекают процессы, которые, в зависимости от условий ведут к усилению (или ослаблению) целостности системы и степени ее «приспособляемости», 3) некоторые из этих процессов и, прежде всего, насилие, острое разногласие, социальное отклонение и конфликт могут, при определенных условиях, усилить системную основу интеграции, а также степень ее приспособляемости к окружающей среде. Эти два ряда исходных посылок (Р. Дарендорфа и Л. Козера), взятые в отдельности, выглядят односторонними, акцентируя внимание на одних явлениях и не замечая других важных процессов. В таком виде они дают очень искаженное видение социальной реальности. Тем не менее, такие обвинения имеют мало значения, если они делаются на уровне исходных посылок, так как можно бесконечно долго спорить о правильности той или иной посылки. Более значимая критика, особенно с точки зрения построения теории конфликта, исходит из анализа теоретических положений, основывающихся на этих исходных посылах. В конце концов, научные споры разрешаются только на теоретическом уровне.

Различия в теоретических положениях

Предваряя последующий анализ теоретических положений Козера и Дарендорфа, я должен подчеркнуть, что, несмотря на то, что оба мыслителя иногда формулируют схожие идеи, последние, тем не менее, занимают различное место в их теоретических построениях, что приводит к созданию концепций, по-разному объясняющих влияние одних и тех же факторов на процесс протекания конфликта. Чтобы проанализировать эти различия, я сгруппировал теоретические положения Козера и Дарендорфа по следующим разделам: 1) причины конфликта; 2) интенсивность конфликта; 3) разрушительная сила конфликта; и 4) последствия конфликта. Хотя такая структура анализа имеет свои достоинства, я думаю, что это слишком простое и спорное деление для таких сложных явлений как социальные конфликты. Группировка теоретических положений по этим разделам всего лишь соответствует теоретическим построениям как Козе-

ра, так и Дарендорфа. Однако, как я постараюсь показать, такая структура анализа создает некоторые концептуальные проблемы при создании общей теории конфликта.

1. Причины конфликта

В Сравнительной таблице 1 я суммировал положения Дарендорфа и Козера о причинах конфликта. В своем первом утверждении и Дарендорф, и Козер настаивают на том, что причина конфликта в социальной системе кроется в конечном счете в неудовлетворенности тех, кто находятся в угнетенном положении. Однако, если Дарендорф рассматривает это неудовлетворение через призму осознания угнетенными своих интересов, то анализ Козера фокусируется на вопросе легитимности. Вероятно, Дарендорф хотел доказать, что осознание своих истинных интересов ведет угнетенных к отрицанию законности, в то время как Козер утверждал, что интересы всего лишь обнаруживаются и становятся ясными, когда угнетенные выходят за пределы правового пространства. В нашем случае эти утверждения – больше, чем игра слов, так как они имеют отношение к дальнейшему анализу. Если осознание интересов рассматривается как ключевой причинный фактор, то последующие теоретические положения нуждаются только в том, чтобы точно указать условия повышения уровня сознания. Таким образом, основная теоретическая задача по Дарендорфу состоит в том, чтобы определить «технические», «политические» и «социальные» условия, благоприятствующие осознанию угнетенными слоями населения своих «истинных интересов». В противоположность этому теоретические положения Козера обращены к анализу структурных условий, которые могут вызвать сомнение в законности существующего общественного устройства среди угнетенных слоев населения. Развивая эту идею (см. Сравнительную табл. 1), Козер пытается доказать, что отрицание законности как таковое не обязательно приводит к конфликту. Для того, чтобы возник конфликт, необходимо перешагнуть порог эмоционального возбуждения.

Отличия в теоретических положениях Дарендорфа и Козера отражают их различные исходные посылки, в которых по-разному трактуется природа общественного устройства. Диалектические посылки Дарендорфа приводят его к выводу, что конфликт имманентно присущ всем социальным структурам и что он постоянно тлеет внутри них. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что в своих теоретических положениях Дарендорф рассматривает вопрос о том,

как нейтрализовать силы, которые, не порождая конфликта в прямом смысле этого слова, просто высвобождают изначально присущий системе конфликтный потенциал. Исходные посылки Козера, выдержанные в духе органицизма и заимствованные у Зиммеля, направлены на то, чтобы определить, какие силы могут быть задействованы в преодолении «инерции» и органического единства системы. Исходя из этого становится очевидным, что теоретические положения Козера акцентируют внимание, во-первых, на условиях, которые ведут к разрушению правовой основы, удерживающей социальный организм в единстве, и, во-вторых, на условиях, вызывающих мобилизацию эмоциональной энергии для обеспечения конфликта.

Сравнительная таблица 1

Причины конфликта

Дарендорф	Козер
<p>I. Чем больше представители угнетенных групп осознают свои объективные интересы, объединяясь с целью защитить их, тем больше вероятность возникновения конфликта.</p> <p>А. Чем более благоприятными оказываются технические условия для налаживания организационных структур, тем более вероятно образование организованной группы для участия в конфликте.</p> <p>1) Чем более компетентным будет руководящий кадровый состав угнетенных групп, тем более вероятно создание благоприятных технических условий.</p> <p>2) Чем более четкими и понятными будут программные идеи и лозунги, тем более вероятно создание благоприятных технических условий.</p> <p>Б. Чем более благоприятными оказываются политические условия для налаживания организационных структур,</p>	<p>I. Чем в большей степени представители угнетенных слоев общества ставят под сомнение законность существующего распределения материальных и иных благ, тем больше вероятность того, что они инициируют конфликт.</p> <p>А. Чем меньше возможностей для компенсации недовольства членов угнетенных групп людей по поводу распределения материальных и иных благ, тем больше вероятность того, что они перестанут считать законным существующий социальный порядок.</p> <p>1) Чем меньше имеется организаций в среде угнетенных групп, позволяющих разрядить эмоциональную энергию их членов, тем более вероятно, что последние, не имеющие возможности компенсировать свое недовольство, поставят под сомнение законность существующе-</p>

Дарендорф	Козер
<p>тем более вероятно образование организованной группы для участия в конфликте.</p> <p>1) Чем больше господствующие социальные группы разрешают функционирование оппозиционно настроенных организованных групп, тем с большей вероятностью возникают благоприятные политические условия.</p> <p>С. Чем более благоприятными оказываются социальные условия для налаживания организационных структур, тем более вероятно образование организованной группы для участия в конфликте.</p> <p>1) Чем больше возможностей для коммуникации имеют члены угнетенных групп, тем более вероятно будет создание благоприятных социальных условий.</p> <p>2) Чем больше возможностей естественные структуры жизнедеятельности людей (например, близость жилищ) создают для рекрутирования новых членов в состав организованных групп, тем более вероятно будет возникновение благоприятных социальных условий.</p>	<p>го социального порядка.</p> <p>2) Чем сильнее внутреннее ощущение собственного угнетения тех, кто не имеет возможности компенсировать свое недовольство, тем с большей вероятностью они поставят под сомнение законность существующего социального порядка.</p> <p>Б. Чем больше представители угнетенных слоев хотят войти в состав привилегированных групп и чем меньше возможностей для этого перехода имеется, тем более вероятно, что они перестанут считать законным существующий социальный порядок.</p> <p>II. Чем больше угнетение трансформируется из абсолютного в относительное, тем больше вероятность того, что члены угнетенных групп инициируют конфликт.</p> <p>А. Чем в меньшей степени опыт социализации угнетенных формирует у них внутреннее осознание необходимости подчинения, тем больше вероятность того, что они будут сторонниками относительного, а не абсолютного угнетения.</p> <p>Б. Чем слабее внешнее принуждение по отношению к угнетенным, тем больше вероятность того, что последние будут сторонниками относительного, а не абсолютного угнетения.</p>

Представленные мною в Сравнительной табл. 1 теоретические положения могут рассматриваться как предварительный ориентир для синтеза двух подходов. Я полагаю разумным предложить в качестве гипотезы идею о том, что конфликт, инициированный угнетенными, может возникнуть только после того, как будет поставлена под сомнение правовая основа социальной системы (положение I Козера). Последнее, однако, не может служить достаточной причиной для инициирования конфликта. Сомнение в законности общественного устройства должно также сопровождаться всплеском эмоциональной энергии угнетенных (положение II Козера). Таким образом, в соответствии с козеровским анализом причины конфликта следует искать в структурных условиях, ведущих к сомнению в легитимности социальной системы и резкому подъему эмоционального возбуждения. Разумно предположить, что конфликт, порожденный структурными условиями, будет спонтанным, экспрессивным, и недостаточно организованным.

Теоретические положения Дарендорфа конкретизируют некоторые из условий, при которых конфликт становится более организованным и эффективным. Тем не менее, я считаю очень вероятным, что отрицание легитимности и эскалация эмоций в среде угнетенных должны предшествовать повышению степени организованности конфликта. Это следует из того, что одного осознания своих интересов, даже обостренного наличием технических, политических и социальных условий, вряд ли хватит для того, чтобы побудить угнетенных вступить в опасный организованный конфликт с теми, кто находится у власти. Суммируя и обобщая идеи, предложенные Дарендорфом и Козером, можно прийти к выводу о том, что различные типы структурных факторов ведут к различным типам психологического состояния угнетенных слоев населения. Эти типы, в свою очередь, становятся причиной различных типов конфликта. Обобщенные положения Козера и Дарендорфа есть первый шаг на пути к тому, чтобы на их основе можно было в конечном счете предложить некоторые общие выводы о причинах конфликта в социальных системах.

2. Интенсивность конфликта

Для Дарендорфа понятие «интенсивность» означает степень психологической готовности сторон участвовать в конфликте. Хотя Козер высказывается менее определенно, он, по всей видимости, определяет интенсивность подобным же образом. В Сравнительной табл. 2 я привел, как и в предыдущей

Сравнительной таблице, положения Дарендорфа и Козера, в которых указываются условия, благоприятствующие интенсивным формам конфликта. Для Дарендорфа чем выше уровень организации социальной системы, тем в большем соответствии распределяются ограниченные ресурсы общества, и наоборот, чем меньше возможностей для социального продвижения вверх у представителей угнетенных слоев населения, тем больше будет степень интенсивности конфликта.

Сравнительная таблица 2

Интенсивность конфликта

Дарендорф	Козер
<p>I. Чем более благоприятными оказываются технические, политические и социальные условия для налаживания организационных структур, тем выше интенсивность конфликта.</p> <p>II. Чем больше распределение властных полномочий соответствует объему получения других социальных благ, тем выше интенсивность конфликта.</p> <p>III. Чем ниже социальная мобильность между господствующими и подчиненными группами людей, тем выше интенсивность конфликта.</p>	<p>I. Чем в большей степени созрели условия, вызывающие начало конфликта, тем выше будет интенсивность конфликта.</p> <p>II. Чем сильнее эмоциональная вовлеченность в конфликт членов противоборствующих сторон, тем выше будет интенсивность конфликта.</p> <p>A. Чем более значимые (важные) отношения связывают стороны конфликта, тем сильнее эмоциональная вовлеченность в конфликт.</p> <p>1) Чем меньше по численности противоборствующие группы, между которыми возникает конфликт, тем сильнее эмоциональная вовлеченность в конфликт.</p> <p>2) Чем более значимые (важные) отношения связывают стороны конфликта, тем менее вероятно открытое проявление враждебности между ними, однако тем выше будет интенсивность этого проявления, если конфликт все же возникнет.</p> <p>Б. Чем менее важные (значимые) отношения связывают стороны конфликта, тем более выборочным будет участие их представителей в конфликте и тем слабее будет эмоциональная вовлеченность в конфликт.</p>

1) Чем менее значимые (важные) отношения связывают конфликтующие стороны, тем чаще между ними будут возникать конфликты, но тем слабее будет эмоциональная вовлеченность в них представителей конфликтующих сторон.

2) Чем менее важный принцип лежит в основе объединения группы людей, тем более частыми будут конфликты, но тем меньшей будет эмоциональная вовлеченность в них.

III. Чем в большей степени цели конфликта выходят за рамки индивидуальных, личных интересов, тем выше интенсивность конфликта.

А. Чем более идеологически сплоченной является группа, участвующая в конфликте, тем в большей степени конфликт переходит за рамки личных интересов.

1) Чем более идеологически сплоченной является группа, тем в большей степени общими, групповыми становятся ее цели, выступая за пределы личных интересов индивидов.

2) Чем более идеологически сплоченной является группа, участвующая в конфликте, тем в большей степени предмет конфликта уходит от реальной жизни в область умозрительных построений, выступая за пределы личных интересов индивидов.

Для Козера условия, порождающие конфликт, также влияют на интенсивность конфликта; эта мысль содержится в его положении II, где говорится об условиях, способствующих эмоциональному подъему угнетенных. Положение III Козера, похоже, аналогично идее Дарендорфа о технических условиях конфликта, которые приводятся в Сравнительной табл. 1.

Основное различие в теоретических подходах Дарендорфа и Козера состоит в том, что Дарендорфу не удалось инкорпорировать в свою теоретическую схему положения об эмоциональной вовлеченности в конфликт и о причинах (или условиях), вызывающих повышение интенсивности конфликта.

В противоположность этому в положениях Козера особо оговаривается решающее значение эмоциональной вовлеченности как для инициирования конфликта, так и для формирования готовности сторон пойти на его обострение. Тем не менее, очевидно, что Козеру не удалось до конца разобраться в том, как протекают различные типы конфликтов. Итак, можно выдвинуть гипотезу, что интенсивность конфликта, почему-либо возникшего, будет зависеть от сопутствующих ему условий социальной организации, описанных Дарендорфом. Тем самым, интенсивность конфликта является в равной степени причиной и следствием технических, политических и социальных условий организации сторон

конфликта. Маловероятно, что технические, политические и социальные условия организации могут заставить отдельных людей объединиться в конфликтующие группы, если их сомнение в законности существующего порядка и растущее чувство относительного угнетения (см. Сравнительную табл. 1) не станут достаточными для возникновения чувства обязанности и состояния готовности участвовать в организованных действиях в рамках конфликта. Положения Козера о структурных условиях, ведущих к эмоциональному вовлечению (см. Сравнительную табл. 1), дают дальнейшее уточнение причин возникновения организованного конфликта, поскольку в них содержится предварительный показатель структурных условий, подталкивающих индивидов в состоянии эмоционального возбуждения к поиску необходимой им организации. В свою очередь, в положении Дарендорфа об условиях организации сторон конфликта (см. Сравнительную табл. 1) подчеркивается, что уровень организации влияет на степень интенсивности конфликта, так как с повышением уровня организованности конфликтующие группы становятся идеологически более едиными, в них формируются четкие иерархические структуры, они более активно рекрутируют в свой состав новых членов.

Таким образом, теория конфликта должна анализировать процессы происходящие в рамках конфликта, с особой тщательностью, фокусируя внимание на:

- условиях, порождающих сомнение в законности существующего порядка,
- эскалации относительного угнетения,
- начальном увеличении интенсивности конфликта,
- уровне организации участвующих в конфликте групп,
- последовательном увеличении (или уменьшении) интенсивности конфликта.

Только в этом случае можно понять причины возникновения различных типов конфликтов. Диаграмма 1 представляет собой попытку использовать идеи, высказанные в положениях Дарендорфа и Козера о причинах и интенсивности конфликта для построения экспериментальной модели, описывающей основные классы или типы переменных факторов и складывающихся между ними отношений, которые необходимо учитывать при построении теории причин конфликтов. Стрелки, соединяющие семь стадий конфликта, обозначают цепочку взаимосвязанных причин инициирования конфликта. Эти причинные отношения могут быть выражены в форме словесных утверждений, однако мои предложения носят столь предварительный характер, что я могу их адекватно выразить лишь в виде диаграммы.

Диаграмма 1. Причины конфликта

Некоторые из ключевых утверждений, обозначенных стрелочками в диаграмме 1 и не нашедших внимательного рассмотрения у Козера и Дарендорфа, касаются сферы обратной связи между переменными факторами на различных стадиях конфликта. Как я представил в диаграмме 1, стадии 5, 6 и 7 являются наиболее критическими для стадий 2, 3, оказывая обратное влияние и ускоряя процесс появления сомнений в законности существующих порядков, осознания собственных интересов и усиления чувства эмоционального угнетения, что в совокупности порождает как спонтанные вспышки конфликта, так и нарастающее увеличение интенсивности взаимных обязательств внутри конфликтующих групп, окончательно склоняя угнетенных к самоорганизации для продолжения конфликта.

3. Разрушительная сила конфликта

По мнению Дарендорфа разрушительная сила конфликта означает степень ожесточенности борьбы между сторонами конфликта. Козер выражается по этому вопросу менее определенно, однако и у него можно найти положения, описывающие условия, при которых конфликт становится разрушительным. В Сравнительной табл. 3 я привел, как и в предыдущих таблицах, соответствующие положения Дарендорфа и Козера.

Положение I Дарендорфа подтверждает вывод, полученный в дискуссии о причинах конфликта: если не имеется достаточно технических, политических и социальных условий для организации угнетенных в качестве конфликтующей стороны, то конфликт будет менее структурированным и управляемым. Однако, не совсем понятно, по каким причинам конфликт принимает наиболее ожесточенные формы. Дарендорф подробно раскрывает тезис об относительном угнетении, который Козер также включает в свой анализ причин конфликта. Таким образом, для Дарендорфа конфликт будет иметь разрушительную силу в том случае, если участвующие в нем стороны будут эмоционально возбуждены, а условия для организации угнетенных будут отсутствовать и, как отмечается в положении III, конфликтные стороны не смогут достичь компромисса. В чем у Дарендорфа не сходятся концы с концами, так это в том, что наличие эмоционального возбуждения масс необходимо также и для того, чтобы возникли условия для организации угнетенных (см. предшествующий анализ) и что неуправляемый конфликт совсем не обязательно имеет большую разрушительную силу.

Разрушительная сила конфликта

Дарендорф	Козер
<p>I. Чем менее благоприятными оказываются технические, политические и социальные условия для налаживания организационных структур среди угнетенных, тем сильнее разрушительная сила конфликта.</p> <p>II. Чем больше абсолютные формы угнетения смещаются в сторону относительных в таком его проявлении как распределение привилегий, тем сильнее разрушительная сила конфликта.</p> <p>III. Чем меньше возможностей у конфликтующих групп придти к компромиссу, тем сильнее разрушительная сила конфликта.</p>	<p>I. Чем больше конфликты затрагивают реальные (объективные) интересы участвующих в них групп людей, тем слабее разрушительная сила конфликта.</p> <p>А. Чем больше конфликты, затрагивают реальные интересы втянутых в них групп людей, тем более вероятно, что эти группы попытаются достичь компромисса, чтобы реализовать свои интересы.</p> <p>1) Чем сильнее конфликтующие группы отличаются по степени обладания властью, тем менее вероятно, что они попытаются достичь компромисса.</p> <p>2) Чем более ригидна социальная система, в которой возникает конфликт, тем менее вероятно достижение компромисса между конфликтующими группами.</p>
<p>II. Чем больше группы людей втягиваются в конфликт по поводу надуманных вопросов (псевдоинтересов), тем сильнее разрушительная сила конфликта.</p> <p>А. Чем дальше конфликт выходит за рамки реальных интересов людей, тем сильнее эмоциональная вовлеченность в конфликт и тем большую интенсивность имеет конфликт.</p> <p>1) Чем более интенсивным был предшествующий конфликт, тем сильнее эмоциональная вовлеченность в последующие конфликты.</p> <p>Б. Чем более ригидна социальная система, тем более вероятно, что конфликт, если он возникает, будет разворачиваться вокруг надуманных вопросов (псевдоинтересов).</p> <p>В. Чем дольше длится конфликт между группами людей по поводу их реальных (объективных) интересов, тем больше на первый план выходят надуманные вопросы (псевдоинтересы).</p> <p>Г. Чем больше первоначально возникший конфликт затрагивает реальные (объективные) интересы конфликтующих групп, тем более надуманные (нереалистичные) вопросы становятся причиной последующих конфликтов между теми же группами</p>	

III. Чем более ригидна социальная структура, тем менее пригодны институционализированные средства для рассасывания конфликта и снятия социальной напряженности, тем сильнее разрушительная сила конфликта.

А. Чем более значимые (важные) отношения связывают стороны конфликта, тем более ригидна структура этих отношений.

1) Чем менее устойчивы значимые отношения между сторонами конфликта, тем более ригидна структура этих отношений.

2) Чем более устойчивы значимые отношения между сторонами конфликта, тем менее ригидна структура этих отношений.

Б. Чем менее значимые, важные отношения (базирующиеся на функциональной взаимозависимости) связывают стороны конфликта, тем более пригодны институционализированные средства для рассасывания конфликта и снятия социальной напряженности, тем слабее разрушительная сила конфликта.

В. Чем масштабнее механизм контроля над социальной системой, тем более ригидна структура отношений между конфликтующими группами и тем большую интенсивность имеет конфликт.

IV. Чем сильнее конфликт затрагивает сущностные ценности участвующих в нем групп людей, тем сильнее разрушительная сила конфликта.

А. Чем более ригидна социальная структура, тем более вероятно, что конфликт затронет сущностные ценности участвующих в нем групп людей.

Б. Чем сильнее эмоциональная вовлеченность в конфликт, тем более вероятно, что конфликт затронет сущностные ценности участвующих в нем групп людей.

Козеровские положения проливают больше света на вопрос, какие именно структурные условия приводят к конфликту большой разрушительной силы с наибольшей степенью вероятности. Для Козера любой конфликт содержит в себе условия, усиливающие или ослабляющие разрушительную силу конфликта. Дарендорф признает это в своем рассуждении о том, что осознание своих истинных интересов есть результат наличия всех трех условий для организации угнетенных масс. Однако, Козер рассматривает дополнительные условия, которые могут уточнить идеи Дарендорфа.

Более того, анализ Козера уже включает в себя гипотезу об относительном угнетении (см. Сравнительную табл. 1 и диаграмму 1). Козер также конкретизирует некоторые из условий, при которых «компромиссные соглашения» Дарендорфа, препятствующие разрушительным конфликтам, могут быть достигнуты между конфликтующими сторонами. Наконец, Козер уделяет больше значения влиянию ценностей на особенности протекания конфликта – фактор, который

Дарендорф всего лишь подразумевает в своем рассуждении о технических условиях организации.

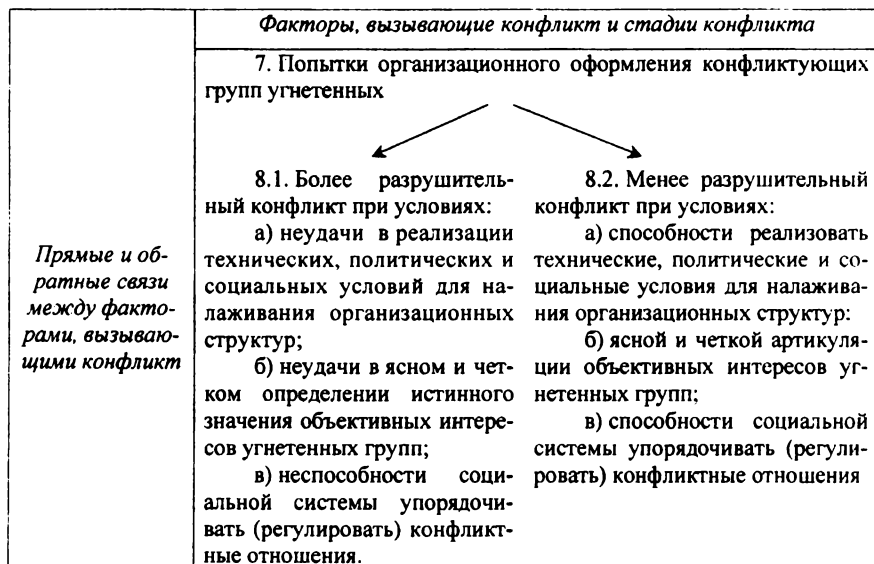
Таким образом, как для Козера, так и для Дарендорфа разрушительная сила конфликта зависит от:

- уровня организованности конфликтующих сторон,
- возможности социальной системы институционализировать конфликтные отношения, – способности конфликтующих сторон ясно выражать свои интересы независимо от основных ценностных ориентаций.

В свою очередь, эти три фактора находятся под воздействием других факторов, которые первоначально инициируют конфликт. Они также зависят от специфики социальной системы, в которой происходит конфликт.

В диаграмме 2 я вновь попытался систематизировать виды факторов и основные типы взаимосвязей между ними. Диаграмму 2 можно рассматривать как более подробное изложение того, что было представлено в диаграмме 1. Как показано в диаграмме 2, попытки наладить организационные связи угнетенных слоев населения (стадия 7 в диаграмме 1) приводят к конфликту различной степени ожесточенности, зависящей от ряда причинно связанных между собой условий. Эти условия, в свою очередь, помогают обнаружить иные причинные отношения, которые также должны учитываться при анализе степени разрушительности конфликта.

Диаграмма 2. Степень разрушительности конфликта

4. Последствия конфликта

В Сравнительной табл. 4, как и в предыдущих таблицах я перечислил основные идеи, высказанные Дарендорфом и Козером о возможных последствиях конфликта. Для Дарендорфа единственно возможный результат конфликта – это социальное изменение; различия могут быть только в масштабах этого изменения.

Сравнительная таблица 4

Последствия конфликта

Дарендорф	Козер
<p>I. Чем выше интенсивность конфликта, тем больше структурных изменений и реорганизации он генерирует.</p> <p>II. Чем больше разрушительная сила конфликта, тем выше степень структурных изменений и реорганизации</p>	<p>I. Чем выше интенсивность конфликта, тем более четкими становятся границы каждой из конфликтующих групп.</p> <p>II. Чем выше интенсивность конфликта и чем более дифференцированы (по принципу разделения труда) конфликтующие группы, тем более вероятно, что каждая из конфликтующих сторон в результате конфликта обретет большую централизацию.</p> <p>A. Чем выше интенсивность конфликта, чем менее дифференцирована структура конфликтующей группы и чем менее устойчивы структура и солидарность внутри конфликтующей группы, тем более деспотичной будет централизация в группе в результате конфликта.</p>
<p>III. Чем выше интенсивность конфликта и чем сильнее он затрагивает все сегменты (подгруппы) каждой из конфликтующей групп, тем в большей степени конфликт будет способствовать структурной и идеологической солидарности членов группы, принимавшей участие в конфликте.</p>	
<p>IV. Чем более тесной является связь между членами каждой из конфликтующих групп и чем выше интенсивность конфликта, тем в большей степени конфликт ведет к сдерживанию разногласий и расхождений внутри каждой из конфликтующих групп и тем сильнее навязывается общность групповых норм и ценностей.</p> <p>A. Чем в большей степени конфликт между группами ведет к навязыванию конформности в каждой из них, тем в большей степени внутри групп накапливается взаимная враждебность и тем более вероятен внутригрупповой конфликт в долгосрочной перспективе.</p>	

V. Чем менее ригидна социальная структура и чем чаще, но со слабой интенсивностью повторяется конфликт, тем более вероятно, что конфликт будет способствовать изменению социальной системы в сторону интеграции и взаимного приспособления.

А. Чем менее ригидна социальная система, тем более вероятно, что конфликт будет способствовать обновлению и творческому развитию системы.

Б. Чем менее ригидна социальная система, тем менее вероятно, что конфликт будет способствовать смещению (переносу) враждебности на альтернативные объекты и тем более вероятно, что конфликт сосредоточится на разрешении реальных источников социальной напряженности.

1) Чем больше социальная система основывается на функциональной взаимозависимости и чем чаще, но со слабой интенсивностью повторяется конфликт, тем более вероятно, что в результате конфликта произойдет ослабление социального напряжения без поляризации системы.

В. Чем менее ригидна социальная система, тем более вероятно, что конфликт будет восприниматься властями как сигнал недостаточной адаптированности элементов системы, что требует повышенного внимания со стороны властных структур.

VI. Чем чаще будет повторяться конфликт, тем менее вероятно, что он будет касаться базовых ценностей социальной системы и тем более вероятно, что конфликт приведет к состоянию равновесия в социальной системе.

А. Чем больше конфликтующая группа сможет апеллировать к базовым ценностям социальной системы, тем менее вероятно, что конфликт приведет к разногласиям по поводу этих ценностей и тем более вероятно, что конфликт будет способствовать интеграции социальной системы.

Б. Чем более ясно конфликтующая группа откажет в поддержке крайним интерпретациям базовых ценностей социальной системы, тем менее вероятно, что организационно оформится группа, оппозиционно настроенная к упомянутой выше и тем меньше конфликт будет способствовать расколу системы.

VII. Чем чаще повторяется конфликт и чем меньше его интенсивность, тем более вероятно появление нормативного регулирования процесса конфликта

А. Чем менее ригидна социальная система, тем чаще будет повторяться конфликт при низкой его интенсивности.

1) Чем менее ригидна социальная система, тем более вероятно, что конфликт укрепит жизнеспособность существующих социальных норм.

2) Чем менее ригидна социальная система, тем более вероятно, что в результате конфликта начнут продуцироваться новые социальные нормы.

Б. Чем чаще повторяется конфликт и чем меньше его интенсивность, тем более вероятно, что конфликтующие группы будут прилагать усилия, чтобы все члены групп соблюдали нормы, регулирующие процесс конфликта.

1) Чем более равными властными возможностями обладают конфликтующие группы, тем более вероятно появление нормативного регулирования процесса конфликта.

VIII. Чем менее ригидна социальная система, тем более вероятно, что в результате конфликта установится баланс и иерархия властей в системе.

А. Чем меньше имеется в наличии информации о силе противника и чем меньше имеется показателей, способных измерить его силу, тем более вероятно, что конфликт между двумя группами, соперничающими за власть, приведет к балансу властных отношений в системе.

IX. Чем менее ригидна социальная система, тем более вероятно, что конфликт станет причиной образования коалиций, что повысит согласованность и интегративность системы.

А. Чем в большей степени части социальной системы подвергаются угрозам со стороны коалиций других частей системы, тем более вероятно, что они образуют коалиции.

Б. Чем больше социальная система основана на функциональной взаимозависимости, тем более вероятно, что коалиции будут в большей степени средством решения проблем и в меньшей степени – стратегической целью.

1) Чем в большей степени система будет делиться на коалиции, тем более вероятно, что между группами внутри коалиций будут возникать конфликты интересов и тем более вероятно, что коалиции будут просто средством решения проблем.

2) Чем в большей степени коалиции формируются с чисто оборонительными целями, тем более вероятно, что они будут просто средством решения проблем.

В. Чем более прочные отношения связывают части системы, тем более вероятно, что коалиции сформируют общие нормы и ценности и перерастут в однородные группы

1) Чем в большей степени коалиции образованы из индивидов (или, в более общем смысле, из малых единиц), тем более вероятно, что они перерастут в однородные группы

2) Чем интенсивнее взаимодействие между частями коалиции, тем более вероятно, что она перерастет в однородную группу.

В противоположность этому подходу Козер развивает идеи об интегративных и адаптивных последствиях конфликта как для обеих сторон конфликта, так и для социальной системы в целом. Козер высказывает предположение, что конфликт может вызвать укрепление групповой идентификации, усиление процессов централизации принятия решений, идеологическую солидарность, повышенный уровень социального контроля. Как и ранее, Козер указывает, что по такому сценарию события могут развиваться только при определенных услови-

ях, включающих в себя определенный уровень ригидности и дифференцированности социальной системы, необходимую интенсивность конфликта и то, в какой степени конфликт затрагивает все фракции (подгруппы) конфликтующей стороны. Особый интерес представляет то, что только в положении IV-A четко заявляется о потенциально возможных дисфункциях каждой из конфликтующих сторон как результата конфликта. Более того, в этом положении не говорится однозначно об условиях, при которых конфликт ведет к дезинтеграции каждой из конфликтующих групп (сторон). Например, взяв для рассмотрения положение III, трудно утверждать, что если все члены группы не ощущают, что конфликт затрагивает их, то непременно должен наступить идеологический раскол или какое-либо другое изменение подобного рода. Козер не останавливается подробно на вопросе об условиях появления дисфункций и сосредоточивает внимание, прежде всего, на позитивной роли (или последствиях) конфликта, на процессах социальной интеграции. В положениях с V по IX утверждается, что конфликты в системах с аморфной структурой содействуют интеграции, обновлению, творческому процессу, ослаблению враждебных отношений и повышению внимания элит к недостаточно адаптированным элементам системы. Более того, если конфликт повторяется многократно и с высокой степенью интенсивности, то он способен привести к равновесию определенного типа и уровня, к появлению нормативного регулирования и связанных между собой коалиций. И хотя логично предположить, что некоторые из этих положений, взятые со знаком «минус», могут раскрыть условия, содействующие уже не равновесию, а дисбалансу, аномии и антагонизму между подгруппами, все же нужно признать, что положения в том виде как они сейчас представлены обращают внимание преимущественно на вопросы интеграции и адаптивности системы. Анализируя положения Козера и Дарендорфа о последствиях конфликта, я прихожу к выводу, что односторонность их исходных точек зрения на социальный мир сильно ослабила значимость их теоретических построений в целом. Мы можем приветствовать Козера и Дарендорфа за то, что они предприняли анализ последствий конфликта, однако легче перечислить то, что они упустили в своих теоретических схемах, чем то, что они в них учли.

Пожалуй, самым серьезным недостатком этих теоретических положений является то, что в них не было дано адекватного объяснения, при каких условиях конфликты различной разрушительной силы вызывают те или иные последствия в краткосрочной и долгосрочной перспективе как для самих кон-

фликтующих сторон, так и для системы в целом. Например, всегда ли сильный разрушительный конфликт ведет к быстрым изменениям системы? Очевидно, что такое утверждение будет истинным только при определенных условиях, учитывающих причинное влияние таких факторов, как продолжительность открытого конфликта, репрессивная мощь привилегированной группы (как стороны конфликта), характерные особенности и состав угнетенной группы, инициировавшей конфликт, характер вопросов, вокруг которых разгорелся конфликт, моральные, идеологические и иные ценности, использованные для оправдания насилия и т. д.

Может показаться, что козеровские положения дают нам перечень факторов, влияющих на последствия конфликта; однако, к сожалению, перечисленные им факторы, воздействующие на «интенсивность» и «разрушительную силу» конфликта, не могут быть однозначно применимы в данном контексте.

Таким образом, между утверждениями о последствиях конфликта и положениями об условиях, вызывающих конфликты различной разрушительной силы нет строгой логической связи.

Возьмем другой пример, теперь уже из анализа последствий конфликта, проведенного Дарендорфом. Ведет ли организованный конфликт высокой интенсивности к большим структурным изменениям? Или, не может ли регулирование конфликта среди высокоорганизованных групп привести к тому, что следствием конфликта станет своеобразное соперничество, поддерживающее статус-кво? Вероятность последнего стала, конечно же, объектом пристального внимания в рассуждениях Козера, который сформулировал ряд условий, при которых такой результат становится возможным. Однако, утверждения Козера, содержащие ответы на некоторые вопросы, сами порождают еще больше вопросов. Например, ведет ли к изменениям повторяющийся конфликт большой разрушительной силы, если он происходит в гибкой социальной системе с отлаженным механизмом регулирования конфликтов? Или подобного рода конфликт вызывает противоположную реакцию и закрепляет сложившийся статус-кво? И можно ли однозначно описать последствия того или иного конфликта как усиление целостности социальной системы или приспособление ее к новым условиям?

Таковы недостатки, имеющиеся в теоретических положениях Козера и Дарендорфа по вопросу о последствиях конфликта. По-видимому, односторонние исходные посылки, лежащие в основе их анализа, стали причиной их пристра-

стных выводов; желательные последствия конфликта выдаются за действительные – для Козера желательным является интеграция и приспособление, а для Дарендорфа – социальное изменение и реорганизация. Как таковой, их анализ последствий не связан непосредственно с более продуктивным анализом причин конфликтов различной степени силы.

Итак, я не считаю возможным осуществить синтез теоретических положений Козера и Дарендорфа по вопросу последствий конфликта так, как это было сделано в отношении причин, интенсивности и силы конфликта. У Козера перечисляются соответствующие факторы, однако с их помощью нельзя получить четкое представление о причинных отношениях, так как эти факторы не связаны с условиями, влияющими на причины и разрушительную силу конфликта. Кроме того, положения Козера опираются в том числе на некоторые интуитивные догадки, что было характерно, по-видимому, и для Зиммеля. При прочтении Козера складывается впечатление, что конфликтующие группы в процессе конфликта более четко очерчивают свои границы, становятся более структурированными и более однородными в области идеологии, что частые конфликты между такими группами в относительно гибких системах повышают степень системной интеграции. Гипотетические суждения содержатся также в анализе Дарендорфа, который, например, считает, что экстенсивные и, возможно, быстрые структурные изменения могут явиться следствием конфликта между группами различной степени организованности в жестко структурированных системах. Однако, эти утверждения – не более чем предварительные гипотезы, которые требуют значительной доработки, в ходе которой необходимо учесть параметры конфликта (различный уровень организованности противоборствующих групп, характер вопросов, вызвавших конфликтную ситуацию); следует описать условия, которые влияют на характер течения конфликта (степень его напряженности, продолжительность и частоту); наконец, нужно определить, какими в зависимости от вышеназванных факторов будут последствия конфликта для социальных систем различной степени ригидности (будет ли это изменение или все останется как было, следует ли ожидать усиления давления на угнетенную группу, будет ли это интеграция или приспособление к новым условиям). Для подлинного синтеза двух рассматриваемых нами теоретических подходов нужно внести ясность в эти вопросы, чтобы описать причинные отношения хотя бы между этими факторами, которым так много внимания уделяют и Козер, и Дарендорф.

Заключение

В этой статье я попытался связать воедино различные, но все же близкие друг другу теоретические концепции Козера и Дарендорфа, предметом рассмотрения которых выступает социальный конфликт. Я надеюсь, что в своем анализе идей этих авторов мне удалось избежать дискуссии об исходных посылах обеих концепций; при этом я исходил из того, что социологи уже длительное время спорят, какие из основополагающих теорий более точно подходят к описанию таких явлений в социальных системах как консенсус, изменение, равновесие, выход из равновесия и степень конфликта. Главная задача теории сегодня состоит в том, чтобы выяснить, какие социальные условия могут привести к тем или иным событиям. Дарендорф и Козер выдвинули ряд важных теоретических положений об условиях, которые способны вызвать насилие большей или меньшей степени. Не уделяя пристального внимания теоретическим подходам, которые лежат в основе идей этих авторов, но анализируя собственно те выводы, которые были ими получены, мы можем получить более ценный результат.

В работах Дарендорфа и Козера наследие соответственно Маркса и Зиммеля получило новое выражение в виде ряда важных теоретических положений, которые могут не только дополнять друг друга, но способны занять достойное место в любой социологической теории. Предварительные идеи синтеза идей Дарендорфа и Козера о причинах конфликта и его разрушительной силе, изложенные в этой статье, смогут, я надеюсь, внести свой вклад в развитие теории конфликтных процессов. Если объединенные в одно целое положения Козера и Дарендорфа все еще кому-то кажутся неэффективными и не отвечающими задаче объяснения хотя бы некоторых процессов конфликта, то я подозреваю, что любые другие подходы приведут к такому же итогу после того, как они будут сведены к своим исходным посылам. Такое неадекватное восприятие является результатом нежелания теоретиков, во-первых, интегрировать, согласовывать и синтезировать результаты своих научных изысканий и, во-вторых, создавать более всесторонние теории конфликтных процессов. До тех пор, пока эта трудная задача не станет предметом научного анализа, концепции любых теоретиков конфликта, будь то Дарендорф, Козер или кто-нибудь еще, будут напрасной тратой сил.

Итак, конкретное содержание данной статьи, возможно менее важно, чем та общая стратегия, которую она отстаивает, а именно: стремление анализировать имеющиеся теоретические подходы и добиваться согласования между ними. Ибо только на базе точных и определенных теоретических положений можно создать истинную социологическую теорию. Кое-кто может назвать эту мысль банальной, однако она не всегда принималась во внимание в реальной теоретической деятельности.

Рэндал Коллинз

«Конфликтный» подход к теории стратификации

(из книги Collins, Randall. Four Sociological Traditions. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1994)

Любая последовательная теория стратификации впечатляет. Стратификация затрагивает так много областей общественной жизни – материальное благосостояние, политику, профессиональные и семейные отношения, объединения, сообщества, образ жизни – что любое научное объяснение, которое сумеет связать их в единое целое, неизбежно займет достойное место в теории социологии. Это утверждение верно даже в том случае, если подобные теоретические построения фактически не работают. Общественная жизнь до сих пор доказывала, что она очень сложна, чтобы ее можно было свести в одну концепцию. Но даже когда великие теории стратификации терпят крушение, их основы продолжают оставаться у нас на виду, слишком большие, чтобы их можно было разобрать по кусочкам и очень существенные, чтобы о них можно было забыть.

Уже более столетия две великие научные системы, марксизм и функционализм открыто соперничают между собой. Третье теоретическое направление, основателем которого был Макс Вебер, проявляло себя, прежде всего, как антисистема. Оно с позиции собственного превосходства указывало на недостатки двух других направлений. Такое положение завело нас в тупик в вопросе создания достаточно надежной объяснительной научной системы. Классическая марксистская модель, несмотря на всю важность экономических вопросов, на которых она концентрирует свое внимание, в конечном счете пыталась свести все многообразие причин объяснения мира только к одной из них. Результатом были либо неубедительная попытка представить все другие причины в качестве производных от экономической, либо вообще бесперспективная позиция, которая просто уклонялась от объяснения всех других причин. Традиционная марксистская модель оказалась несостоятельной перед лицом разделения общества по этническому, расовому и религиозному признакам. Она не смогла объяснить причин существования политических партий, представляющих группы людей, выделенных по неэкономическому признаку. Эта модель оказалась неспособной объяснить наличие организованных структур в современном государстве, существование сложной взаимосвязи между группами друзей и

знакомых в сообществе, феномен социальной мобильности. Все эти вопросы могут быть, конечно, рассмотрены в рамках марксизма, однако это будет больше похоже на оправдание, чем на строгий научный анализ.

Представленная в виде схемы, социология Маркса сводится к трем положениям.

1. Исторически сложилось так, что некоторые формы собственности (рабство, феодальное землевладение, капитализм) поддерживаются принудительной силой государства; следовательно, классы, сформированные по принципу наличия собственности (рабы и рабовладельцы, крепостные и феодалы, капиталисты и рабочие) – это противоположные силы в борьбе за политическую власть, являющуюся опорой их средств существования.

2. Материальные возможности определяют тот уровень, на котором социальные классы могут эффективно организоваться для борьбы за свои интересы; подобные факторы консолидации представляют собой ряд промежуточных ступеней между классом и политической властью.

3. Другие материальные условия – средства духовного производства – определяют, интересы какого класса смогут быть ясно выражены на уровне идей и, следовательно, будут доминировать в сфере идеологии.

Во всех этих областях жизнедеятельности общества Маркса интересовали прежде всего детерминанты политической власти и только косвенно те вопросы, которые могут быть названы «теорией стратификации». Между тем, в тех же самых положениях Маркса подразумевается следующее.

1. Материальные условия жизни есть главный определяющий фактор образа жизни индивида. Поскольку отношения собственности играют решающую роль в определении источников существования, постольку классовая культура и поведение разделяются на противоположные в соответствии с наличием контроля над собственностью или его отсутствием.

2. Материальные факторы консолидации, будучи взаимосвязанными, также варьируются между социальными классами; соответственно, другое важное различие в образе жизни классов вытекает из различной организации их сообществ и разного накопленного опыта социальной коммуникации.

3. Классы отличаются по степени их контроля за средствами духовного производства, что дает еще одно различие: культура одних классов оказывается представленной на знаковом уровне более четко и выразительно,

чем других, а некоторые классы просто используют чужие знаковые структуры, навязанные им извне.

Эти марксистские принципы с учетом некоторых дополнений обеспечивают основу «конфликтного» подхода к теории стратификации. Вебер развил и дополнил это направление анализа. Он усложнил марксистский взгляд на конфликт, показав, что факторы консолидации и духовного производства не сводятся к понятию собственности; он пересмотрел основополагающие принципы конфликта и выдвинул ряд других важных идей. Опять-таки, если принципиальные положения Вебера выразить более определенно, чем они излагаются в оригинале, то мы увидим, что он выделяет несколько различных форм конфликта по поводу собственности, существующих одновременно в одном и том же обществе и, следовательно, подразумевает разделение классов по множеству признаков.

Вебер открывает еще один способ в этой борьбе за контроль, который может быть назван «средствами эмоционального производства». Именно они лежат в основе власти религии и делают ее важным союзником государства; именно они превращают классы в статусные группы, трансформируют в них же при определенных обстоятельствах территориальные сообщества людей (этносы); именно они делают «легитимность» главным предметом в борьбе за влияние. Здесь Вебер подходит к очень важной мысли, схожей с теми, что высказывали Дюркгейм, Фрейд и Ницше: человек – это не просто животное с сильными эмоциональными желаниями и чувственностью; человек есть только там, где существуют особые формы социального взаимодействия (ритуалы), предназначенные для пробуждения эмоций, которые, в свою очередь, создают прочные общие верования и чувство солидарности внутри сообщества. Я привел эту формулировку скорее в духе Дюркгейма, чем Вебера, так как дюркгеймовский анализ ритуалов позволяет раскрыть механизм создания эмоциональных связей.

Основная идея теории конфликта состоит в том, что люди – это социальные, но склонные к конфликтам животные. Почему возникает конфликт? Помимо всего прочего, он возникает еще и потому, что насильственное принуждение всегда существует в потенции. Это не подразумевает того, что существует такое врожденное качество человека как стремление доминировать. Что мы знаем наверняка, так это то, что быть принуждаемым к чему-либо – состояние крайне неприятное, и, следовательно, любое насилие, даже к маленькой общности людей вызывает открытый конфликт с угнетателем в форме антагонизма.

Добавим сюда тот факт, что насильственная власть, особенно та, что представлена в государстве, может быть использована для наделения экономическими богатствами и эмоциональными радостями одних людей и для лишения всего этого других; и тогда мы сможем увидеть, что доступность такого средства как принуждение распространяет конфликты по всему обществу. Существование параллельно с этим эмоциональной основы для солидарности, которая, как это подчеркивал Дюркгейм, может стать хорошей опорой взаимодействия, только усиливает деление между группами людей и расширяет тактические возможности, используемые в конфликтах.

Тот же аргумент может быть перенесен в область социальной феноменологии. Каждый индивид стремится максимально повысить свой личный статус в соответствии с возможностями, доступными ему и ограниченный возможностями своих соперников. Это общий принцип, который вытекает из целого ряда оснований. Под этим я понимаю то, что чей-либо субъективный опыт реальности есть ни что иное как разветвленная система социальных мотиваций, а также то, что каждый человек конструирует свой собственный мир, куда включает себя самого; но эта сконструированная реальность строится, прежде всего, посредством коммуникации (реальной или воображаемой) с другими людьми; следовательно, ключ к неповторимости и уникальности индивида находится в руках окружающих его людей. Эти положения не вызовут удивления у тех, кто знаком с работами Джорджа Герберта Мида или Эрвина Гоффмана. Дополним их идеями из теории конфликта: – каждый индивид преследует, главным образом, свои собственные интересы; – есть много ситуаций, особенно связанных с властью, в которых интересы индивидов по природе своей антагонистичны друг другу. Таким образом, основной тезис можно разбить на три составляющих:

- а) люди живут в субъективных, сконструированных ими самими мирах;
- б) субъективный опыт одних людей находится под контролем других;
- в) происходят частые конфликты в борьбе за этот контроль.

Жизнь есть, прежде всего, борьба за жизненный статус, в которой никто не может позволить себе игнорировать власть других людей. Если мы предположим, что каждый человек использует все доступные ему средства для того, чтобы другие помогли ему выглядеть наилучшим образом при данных обстоятельствах, то мы получим тот самый определяющий принцип, который позволяет извлекать смысл из огромного числа имеющихся вариантов стратификации.

Влияние рода занятий на классовую культуру

Работа, род занятия – это то, что позволяет человеку поддерживать свое существование. В этом состоит то огромное значение, которое работа имеет в жизни людей. Различные виды профессиональной деятельности формируют различия между людьми. Эти различия возникают не просто потому, что работа столь важна для их выживания, но потому, что люди по-разному относятся друг к другу в процессе профессиональной деятельности. Род занятия – это главная основа культуры класса. Последняя, в свою очередь, наряду с материальными возможностями для взаимосвязи между людьми становится тем механизмом, который организует классы как сообщества людей, т. е. как типы статусных групп. Сложность системы классовой культуры зависит от того, насколько много оснований для выделения различий мы можем обнаружить между родами занятия. Такими основаниями могут быть по степени их важности: отношения доминирования, характер социально-профессиональных связей, а также некоторые дополнительные факторы, включая физическую природу данного вида труда и величину богатства, которую он производит.

Отношения доминирования

Главное, что отличает разные виды трудовой деятельности, это, несомненно, характер складывающихся в процессе труда властных отношений (способов, которыми люди отдают или выполняют распоряжения). Классы людей, выделенные по роду занятий, есть по сути своей классы, обладающие той или иной степенью власти. Заявляя это, я присоединяюсь к точке зрения Ральфа Дарендорфа, ставшей творческим развитием взглядов Маркса. Карл Маркс воспринимал собственность прежде всего как отношения власти. Наличие собственности или ее отсутствие рассматривалось им в качестве водораздела между классами; смена типов собственности (рабов, земли, промышленного капитала) обуславливала различия между историческими эпохами. Однако, хотя собственность и может служить важнейшим отличительным признаком определенных исторических периодов, двадцатый век показал, что другие типы власти могут иметь столь же важное значение. В капиталистических обществах управленческий персонал предприятий, получающий за свою работу заработную плату, имеет отличное от занятых физическим трудом рабочих социальное по-

ложение, хотя в строгом соответствии со взглядами Маркса их следовало бы объединить в один класс наемных лиц, не имеющих собственности. В социалистических странах, где частная собственность в обычном своем понимании отсутствует, существуют тем не менее глубокие социальные различия и противоречия между интересами групп людей, занимающих неодинаковое место в социальной иерархии. Как указывает Дарендорф, Маркс ошибочно принимал исторически ограниченную форму власти за всеобщую, а его теория классов и классовых противоречий может стать универсальной, если мы найдем для нее более абстрактную форму выражения.

Макс Вебер определил власть как способность навязывать собственную волю кому-либо даже вопреки желанию последнего. Такое понимание слова «власть» – не единственно возможное, но наиболее полезное для объяснения воззрений людей, т. е. для ответа на вопрос, почему они именно такие как есть, а не какие-либо другие. Бывает власть наподобие той, что имеет инженер над неодушевленными предметами; есть власть ученого над идеями и словами; есть власть проектировщика над будущими событиями. Однако, поскольку взаимодействия между индивидами имеют в целом «социальную причинность», социальная власть, непосредственно воздействующая на поведение человека, проявляется в том, что один индивид отдает распоряжения другому. Вовлеченность во властные отношения влияет на поведение человека, отдающего распоряжения, так как он (или она) должен при этом соответствующим образом вести себя, соответствующим образом мыслить и говорить нужные для этого случая слова. Вовлеченность во властные отношения влияет также на человека, который должен выслушивать распоряжения, даже если он не в состоянии их выполнить, так как он вынужден смириться с необходимостью почтительно выслушивать распоряжения и выражать свое почтение к тому, кто отдает распоряжения хотя бы на тот период времени, когда они отдаются. Одно животное подчиняет себе другое: это типичная ситуация для любой организованной жизни.

Властные отношения пронизывают все виды профессиональной деятельности. Поскольку каждый человек вынужден где-то работать (либо его обеспечивает тот, кто где-то работает), постольку все люди испытывают на себе влияние властных отношений. Соответственно, можно выделить три основные класса. В первый из них входят те люди, которые отдают распоряжения многим другим, но сами при этом ни от кого (или почти ни от кого) их не получают. Второй класс составляют индивиды, которые в силу своей профессиональной

деятельности одновременно и отдают распоряжения (одним людям), и получают их (от других). В третий класс входят те, которые никому не отдают распоряжений, а только выполняют их. Этой схеме соответствует готовое для восприятия разделение общества на высший класс, средний класс и рабочий класс. Последнее становится особенно очевидным, когда мы пытаемся найти основание для установления границы между средним и рабочим классами. Таким основанием вряд ли может служить разделение по принципу «чистая-грязная» работа или уровню дохода, и уж тем более им сегодня не может выступать фактор наличия или отсутствия собственности. Основанием такого разделения служит ответ на вопрос: «Кто преимущественно отдает распоряжения, а кто их выполняет?».

Верхний слой среднего класса и нижний слой среднего класса занимают соответствующие позиции в зависимости от того, что преобладает в их деятельности – отдавать распоряжения или выполнять их. Низший класс можно отличить от рабочего класса на том основании, что первый представляет собой маргинальную группу людей, работающих только эпизодически и на самых непрестижных работах. Например, фермеры и наемные сельскохозяйственные рабочие относятся соответственно к среднему и рабочему классу. Преуспевающие фермеры похожи на всех других бизнесменов; арендаторы земли и сельскохозяйственные рабочие не отличаются принципиально от городских рабочих, а различия между ними вызваны скорее структурными особенностями жизни сообщества, а не условиями выполняемой работы как таковыми. Распределение власти в этих случаях также примерно одинаково, так как каждый понимает, что люди, которые отдают распоряжения, не обязательно работают вместе с теми, кому они их отдают, а люди, которые подчиняются, не обязательно работают под руководством тех, чьи распоряжения они выполняют; мелкий фермер или бизнесмен при встрече с банкиром относится к последнему с тем же почтением, с каким мастер на производстве относится к своему начальнику цеха. Возможны, конечно же, некоторые вариации. Прежде всего я хочу показать, что наиболее сильное влияние на поведение человека имеет тот объем властных полномочий, которым он располагает в процессе осуществления своей профессиональной деятельности. Затем я покажу, как некоторые различные типы ситуаций на примерно одном и том же классовом уровне могут вносить изменения в основную закономерность. В этом вопросе развитие Дарендорфом идей Маркса совпало со взглядами Вебера на властные отношения.

Следует заметить, что эта формулировка также соответствует духу дюркгеймовской социологии, по крайней мере, в интерпретации Гоффмана. Если удачное применение властных полномочий – это вопрос личного отношения каждого (в этом случае санкции подразумеваются, но к ним не прибегают), то анализ Гоффманом ритуального воплощения статуса дает нам детальное доказательство самого механизма. В известном смысле, до некоторой степени сомнительный веберианский принцип «средств эмоционального производства» может быть применим не только для описания процесса формирования общностей людей, но и для раскрытия самой сути социально-профессиональных отношений. Таким образом, получается, что веберовский исторический обзор религиозных предпочтений различных классов является прекрасным примером сделанных позднее выводов о классовой культуре.

Социально-профессиональные связи

Следующее основание для выделения особенностей профессиональной культуры (т. е. культуры группы людей, объединенной одним родом занятия) – это частота и разнообразие личных контактов представителей данной профессиональной группы. Политик, например, постоянно встречается с различной по составу аудиторией, король находит благоговение и почтение у множества людей, а вот фермер-арендатор или слуга редко завязывают контакты с кем-либо вне дома. Рабочий, как правило, общается в узком кругу людей, куда входят его начальник, семья и мало меняющийся круг знакомых. Один из ключевых моментов к пониманию воззрений представителей более высоких профессиональных уровней – их больший космополитизм. Степень космополитизма в целом соответствует степени власти, потому что власть подразумевает способность поддерживать отношения с достаточно большим количеством людей посредством привлечения их на свою сторону. Но коммуникативность выступает также и как независимый фактор, что мы видим на примере некоторых профессий, таких как продавец, конференсье, работник умственного труда, специалист в общем смысле этого слова. Этот фактор объясняет существующее горизонтальное деление внутри классов и сложную внутреннюю иерархию последних, вследствие чего происходит дополнительное разделение на страты вне зависимости от такого фактора как наличие (или отсутствие) реальных властных полномочий.

Это основание имеет свои классические теоретические прообразы. Марксистский принцип классовой консолидации через различные способы контроля за средствами передвижения и связи применим не только к политике, но и к вопросу дифференциации классовой культуры. Вебер использовал данный принцип в отношении к внутренней структуре организации, что расширило возможности его применения, так как на примере организации можно не только запечатлеть резкие отличия во взглядах различных групп людей и различия в степени полноты обладаемой ими властью (эти отличия являются следствием контроля либо его отсутствия над внутренними связями и за информацией), но можно также взглянуть под другим углом зрения на казалось бы тот же самый феномен профессиональной стратификации. Дюркгеймовская модель ритуального взаимодействия и влияние последнего на «коллективное сознание» даст еще более подробное описание действия этого механизма. В работе «О разделении общественного труда» Дюркгейм показывает, что значимость социальных верований, сила группового единства и отношение к символам зависят от интенсивности и разнообразия социальных контактов. В работе «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейм проверяет действие этого механизма в условиях высокой интенсивности социальных контактов и доказывает, что огромное значение коллективных символов в мировосприятии каждого индивида и почти полное слияние человека с группой являются результатом церемониального взаимодействия членов не меняющейся по составу группы в условиях физической близости и огромной сосредоточенности на какой-то идее. Абстрагируясь, мы можем прийти к выводу, что не только историческая эпоха целиком, но и конкретная профессиональная среда изменяется в зависимости от интенсивности и разнообразия социальных контактов входящих в нее людей и, следовательно, эта среда в каждом случае воспроизводит какое-то свое, особое культурное поле с разной степенью единства индивида и группы. Веберовское разделение рационально-бюрократической и патримониальной культур охватывает это основание (интенсивность и разнообразие социальных контактов) вместе с их различными этическими стандартами и типами подчинения; рационально-бюрократический и предпринимательский сектора в современной структуре занятости являются примером двух этих типов культуры.

Несколько общих принципов

Существует целый ряд различных факторов, определяющих культуру групп людей в соответствии с их родом занятия. Имеющиеся в наличии сведения, особенно полученные при изучении сообществ, как правило, рассматривают их сразу все вместе и смешивают с другими факторами, характеризующими организацию статусных групп. Для сохранения научной чистоты я формулирую их в виде четких положений, начав с некоторых основных постулатов.

Постулаты

I. Каждый индивид конструирует свою собственную субъективную реальность.

II. Индивид познает окружающий мир посредством социальной коммуникации с другими людьми.

III. Индивиды имеют власть над субъективной реальностью друг друга (что вытекает из пунктов I и II).

IV. Каждый индивид пытается повысить свой субъективный статус до максимального уровня в соответствии со своими возможностями и возможностями других людей, с которыми он соприкасается в процессе общения.

V. Каждый индивид оценивает наивысшим образом то, что у него получается лучше всего; он старается демонстрировать это и говорить об этом как можно больше.

VI. Каждый индивид стремится к таким социальным контактам, которые дают ему наивысший субъективный статус, и избегает тех, в которых он имеет предельно низкий статус (следует из пунктов III, IV, V).

VII. Социальные контакты между людьми, имеющими различные возможности, предполагают неравные властные полномочия, что налагает свой отпечаток на субъективную реальность тех, кто вступает в эти контакты.

VIII. Ситуации, при которых в контакт вступают индивиды с различными властными полномочиями, и выход из которых не может быть осуществлен немедленно, обязательно содержат в себе конфликт (вытекает из пунктов IV и VI).

Положения

1. Полученный человеком опыт отдавать и выполнять распоряжения – это главная детерминанта его воззрений и поведения.

1.1. Чем больше кто-либо отдает распоряжений, тем больше он горд, самоуверен и важен; он идентифицирует себя с идеалами организационного устройства, именем которого оправдывает свои распоряжения.

1.2. Чем больше кто-либо выполняет чужие распоряжения, тем больше он угодлив, несамостоятелен, отчужден от идеалов данного организационного устройства, недоверчив к другим, аморален; он наделен качествами внешнего конформизма и беспокоится о получении незаслуженного вознаграждения.

1.3. Чем больше кто-либо взаимодействует с другими людьми на равных, тем в большей мере он неформален, дружелюбен и способен принимать чужие идеалы.

1.4. Чем более человек одновременно и отдает и выполняет распоряжения, тем более он сочетает в себе формализм, самоуверенность, чувство близости к идеалам существующего организационного устройства, с одной стороны, и угодливость и внешний конформизм, с другой; его мало беспокоят долговременные или общие цели организационного устройства, от имени которого он отдает распоряжения, но его очень волнует целесообразность своих собственных, рассчитанных на ближайшую перспективу распоряжений; он пытается сделать так, чтобы распоряжения, отданные ему, выполнялись другими.

Пункты 1.1, 1.2, и 1.4 – это выводы, сделанные на основе анализа литературы в области социологии организаций и социологии занятости и позволяющие нам описать идеальные типы соответственно высшего класса, рабочего класса и среднего класса. Пункт 1.3 характеризует, скорее всего, пока еще недостаточно изученные взаимоотношения в среде управленцев среднего звена и специалистов. Вероятно, эти же отношения возникают в процессе совместной деятельности в племенных обществах, где еще не произошло деления на страты. Заметим при этом, что не все представители одного класса ведут себя одинаково. На это влияет, во-первых, различный баланс деятельности по изданию распоряжений и их выполнению (что соответственно дает нам верхний слой среднего класса; нижний слой среднего класса; верхний слой рабочего класса и т. д.) с примесью разной степени эгалитарных отношений, и, во-вторых, просто объем времени, потраченный на командование или подчинение, который

может варьироваться. (То есть, как абсолютный объем времени, уделяемый изданию и выполнению распоряжений, так и пропорция между ними могут колебаться.) Например, студенты могут получать распоряжения от своих преподавателей во время экзамена, но их отчуждение будет относительно слабым, так как эти ситуации случаются весьма эпизодически. Когда студенты имеют ежедневные аудиторные занятия, масштабы отчуждения гораздо больше.

1.5. Чем больше используется принуждение для поддержки распоряжений, тем сильнее оказывается эффект, описанный в пп. 1.1, 1.2 и 1.4. Взаимодействие на равных, относящееся к п. 1.3, в литературе по социологии организаций рассматривается как тип нормативного контроля. Другая форма нормативного контроля – отдавать распоряжения самому себе.

1.6. Чем больше кто-либо связывает свое будущее с деятельностью по изданию распоряжений или же с деятельностью по их выполнению, тем больше он приобретает черты личности, занимающей соответствующую позицию. Это хорошо известный принцип социализации предвосхищения, о котором писал Р. Мертон. Этот принцип оказывается действенным также в ретроспективе; особенности индивида и его поведение объясняются характером деятельности, которую он выполнял в прошлом.

1.7. Чем больше человек сохраняет воспоминания о своей прошлой деятельности по изданию распоряжений или по их выполнению, тем больше у него сохраняются соответствующие личностные черты.

Так как люди склонны верить в то, что им больше всего приятно (см. постулат IV), то в случае движения вниз по социальной лестнице старые стереотипы сохраняются дольше, чем в случае движения вверх. Требуется определенное время, чтобы этот фактор потерял свое значение (а также чтобы нейтрализовать влияние других факторов, таких, например, как узы дружбы, являющиеся по сути взаимоотношением на равных). Мне кажется, что два года – это достаточный срок для адаптации при смене любого рода занятий, даже при переходе из одного класса в другой: от тех, кто выполняет распоряжения, к тем, кто их отдает. Мы могли бы назвать этот отрезок времени как «период предательства старых идеалов». Чтобы сменить друзей, времени нужно еще меньше.

1.8. Чем больше в работе человека (неважно, является ли это ручным физическим трудом или военно-боевыми действиями) физических усилий и опасностей, тем больше он ценит твердость, смелость и умение совершать поступок.

Это положение основывается на том, какое большое значение физическая стойкость занимает в культуре рабочего класса. Но такое же значение она играла в культуре высшего класса в эпоху военной аристократии и даже в культуре среднего класса в организациях типа армии. Это положение также объясняет различия в склонности к использованию принуждения между городом и деревней, между патримониальным обществом и рационально-бюрократическим. Противоположное по смыслу суждение может быть названо «принципом слабости». Оба этих положения следуют из Постулата V. Между тем, занятие активной физической деятельностью ведет к высокой оценке такого качества как твердость и, следовательно, к значительному использованию принуждения для повышения эффективности распоряжений.

2. Объем и структура социальных связей составляют второй ряд факторов, определяющих воззрения и поведение индивидов.

2.1. Взаимный контроль. Чем больше человек находится в окружении других людей, тем больше он воспринимает культуру соответствующей группы и тем больше он ожидает, что поведение других людей также будет соответствовать нормам и ценностям группы. С другой стороны, чем меньше человек окружен людьми, тем сильнее у него будут развиты качества индивидуализма и эгоцентризма.

2.2. Космополитизм. Чем более разнообразны социальные связи индивида, тем в большей степени он начинает мыслить абстрактно, широко и всесторонне. С другой стороны, чем менее разнообразны социальные связи индивида, тем более конкретно, узко и односторонне он мыслит, тем более враждебным и неподконтрольным ему кажется мир, окружающий знакомый круг вещей.

Эти два принципа делят дюркгеймовское понятие социальной плотности на несколько показателей. Первый принцип имеет большое количество вариантов, начиная различиями в воспитании детей, где контроль в большей или меньшей степени осуществляется непосредственно, и кончая различиями в коллективном сознании общностей людей (как в современном обществе, так и в исторической перспективе). Этот принцип накладывает свой отпечаток на культуру людей вне зависимости от их властных полномочий (т. е. он пересекает все «властные» переменные – положения 1.1–1.8), хотя у представителей профессиональных групп, имеющих относительно высокий социальный статус, часть различий в их культуре вызвана большим разнообразием социальных контактов при условии относительно низкого уровня взаимного контроля.

Первый принцип помогает также понять специфику культуры двух классов, о которых почти не упоминалось ранее. Культура одного из них – это культура низшего класса, включающего людей, работающих только эпизодически и только на самых низких должностях, требующих исполнения чужих распоряжений; культура этих людей выступает, соответственно, крайней формой аморального индивидуализма, которая становится следствием комбинации трех факторов: предельно низкого уровня властных полномочий, слабым взаимным контролем внутри группы и низким уровнем космополитизма. Другой класс (как и первый, выделенный в соответствии с родом занятий) состоит из многих артистов, интеллектуалов и иных представителей свободных профессий, которые строят отношения с другими людьми на равных или даже (при наличии состояния или громкой славы) в качестве лиц, отдающих распоряжения. Их культура – эгоцентричная и неконформистская, она высокомерна по отношению к окружающему миру, что выступает одним из проявлений творческого тщеславия. Интеллектуалы, вне зависимости от того, работают они в одиночку или нет, обладают способностью к социальным контактам на очень сложном уровне, вследствие чего такая способность становится для них главным показателем оценки других людей (в соответствии с Постулатом V). Таким образом, интеллектуалы характеризуются в целом высоким уровнем космополитизма – пункт 2.2 и низким уровнем взаимного контроля – пункт 2.1 (поскольку они обычно работают в одиночку). Соответственно, их культура носит признаки индивидуализма, релятивизма и либо высокомерия, либо неформально-дружеского отношения.

Большое разнообразие связей (п. 2.2) может быть результатом частых встреч (или переписки) с очень разными людьми или результатом непрерывного получения все новых сообщений от одних и тех же людей, встречи с которыми происходят регулярно. Как руководители высокого уровня, так и представители интеллектуальных профессий завязывают большое количество социальных связей, даже если они вращаются в относительно однородном кругу знакомых лиц. В обоих случаях эффект примерно один и тот же: культура как высшего класса, так и верхнего слоя среднего класса приобретает особые качества, в результате чего представители этих двух социальных групп становятся людьми искушенными, умеющими мыслить абстрактно и глобально. Эта характеристика (п. 2.2), взятая вместе с п. 1.1 (наличие больших властных полномочий, при которых люди только отдают распоряжения, а сами их практически не по-

лучают) помогает объяснить, почему в истории существовал целый ряд отличающихся друг от друга культур высшего класса. Относительно изолированный сельский землевладелец и даже родовой князь со всеми его привилегиями действовали в совершенно иной системе социальных связей по сравнению с той, в которой функционируют современный политик или крупный предприниматель.

Различие между патримониальной и рационально-бюрократической социальной организацией также можно объяснить при помощи этих двух положений (пп. 2.1 и 2.2). Патримониальные организации характеризуются высоким уровнем контроля за своими членами, но малым разнообразием социальных контактов. Формировавшееся вследствие этого сознание людей, которое Вебер называл «традиционной легитимностью» подразделяло все на личные отношения, затрагивающие сугубо местные интересы и окружающий мир, который считался неизменным и неподдающимся человеческому контролю. Рационально-бюрократические социальные организации в отличие от патримониальных имеют тенденцию к уменьшению прямого контроля за своими членами и к увеличению многообразия связей, в особенности дополняя личные контакты письменными сообщениями. Вебер назвал основывающееся на законности мировоззрение «рационально-правовым». Это понятие, на его взгляд, характеризует общественное устройство не только как абстрактное и обезличенное, но и как осознанно построенное людьми. В современной Америке осталось совсем немного собственно патримониальных организаций (особенно если принять во внимание отделение рабочего места от домашнего очага); к ним можно отнести предприятия мелкого бизнеса, контрастирующие с рационально-бюрократическими организациями.

3. Властные отношения и социальная плотность пронизывают различные сферы жизни человека: работу, политику, дом и семью, общественный досуг. Индивидуальные воззрения складываются на основе последовательного накопления опыта деятельности во всех этих областях.

Заключение

Поведение отдельного человека зависит от влияния самых различных факторов. В обществе наподобие современной Америки, где политическое влияние рассредоточено, а число различных по уровню и влиянию организаций и групп очень велико, количество социальных контактов, которые индивид совершает

за всю свою жизнь или всего за несколько дней может быть просто огромным. Вот почему нас не должно удивлять, что каждый человек в чем-то уникален. В других, менее демократических обществах многообразие различий между людьми не столь велико. При определенных обстоятельствах (возможно, в будущем) это многообразие станет еще более впечатляющим, чем сейчас.

Наша цель состоит, однако, ни в том, чтобы изумляться большим различиям между людьми, но в том, чтобы объяснить поведение индивида, сопоставив несколько относительно простых принципов, о которых говорилось выше. Читатель может проверить правильность этих принципов, применяя их для объяснения поведения знакомых ему лично людей. Возьмем, например, такой пример. Наш знакомый всю жизнь служил в армии на невысоких должностях; он выходец из семьи преуспевающих мелких фермеров Северной Европы, страны, где все еще сильно влияние земельной аристократии; в его семье придерживаются патриархальных традиций: жена занимается домашним хозяйством, дети честолюбивы и покорно слушаются своего отца – главу семьи; наш знакомый – респектабельный гражданин маленького американского городка и прихожанин благопристойно скучной протестантской общины; его дружеские контакты ограничены общением, главным образом, с родственниками, относящимися к тому же сообществу американцев – выходцев из Европы и тому же профессиональному кругу представителей низшего слоя среднего класса. Все эти социальные роли, весь этот опыт формируют ярко выраженное мировоззрение этого осторожного человека со всем его уважением к власти и честолюбивыми надеждами на будущее детей, живущих в мире, где есть порядок и спокойствие. Лишь существование молодежной культуры, к которой он никогда не имел отношения, пугает нашего героя. Таков мир старого человека, проникнуть в который нам помогло изучение его социальных контактов. Конечно, в любой момент жизни может возникнуть что-то еще, что повлияет на его мировоззрение, и более пристальный взгляд на отдельные этапы жизни нашего знакомого может показать, что двигало им в том или ином случае. Еще одним примером для проверки теории могу быть я сам. Аналогичный ряд положений, описывающий мой социальный опыт, сможет обнажить жизненные установки, которыми я руководствуюсь в своей деятельности. И поскольку социология становится все более влиятельной теорией, она должна более уверенно обращаться к освещению жизни людей, которые живут вокруг нас.

СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Вплоть до середины 60-х гг. XX в. функционализм был самым влиятельным подходом в социологии. В последующие годы в адрес этого теоретического направления стала звучать все более громкая и разнообразная критика. Сущность структурно-функционального подхода (или функционализма, или структурно-функционального анализа, что одно и то же) состоит в выделении элементов социального взаимодействия и определения их места в функционировании целостного социального организма (системы). Общество рассматривается как совокупность социальных институтов, групп и организованных форм поведения людей, находящихся в определенном взаимодействии друг с другом. Или, если говорить проще, общество – это хорошо интегрированная система взаимозависимых частей. Своим происхождением структурный функционализм обязан идеям Г. Спенсера и Э. Дюркгейма. Спенсер первым представил общество как живой организм, все части которого работают на одно целое. Дюркгейм отошел от этой прямой аналогии и рассматривал общество как интегрированный организм чьи отдельные части функционируют, взаимодействуя друг друга. Современный функционализм рассматривает общество скорее как систему, а не как организм. Наиболее выдающиеся представители современного функционализма – Талкотт Парсонс [22] и Роберт Мертон [20]. Первый по сути является основателем структурно-функционального подхода. В Хрестоматию включены три работы Т. Парсонса из книг разных лет: «Очерк структурно-функциональной теории социальных систем» [21], «Новые тенденции в структурно-функциональной теории» [14], «Функциональная теория изменения» [25]. В этих работах даются базовые понятия, а также излагаются основные идеи структурно-функционального подхода.

Талкотт Парсонс

Очерк структурно–функциональной теории социальных систем

(Из книги: T. Parsons, «*Essays in Sociological Theory*», Glencoe: The Free Press, 1949)

Первым существенно важным моментом обобщенной теоретической схемы является определенная система координат. Совершенно ясно, что для рассматриваемой теории такой системой координат является «действие» или, может быть, лучше «действующее лицо-ситуация», в некотором роде аналогичная системе координат «организм-среда», существующей в биологической науке.

Система координат «действующее лицо-ситуация» граничит с психологией, но в применении к социальной системе возникает дополнительная сложность из-за рассмотрения множества взаимодействующих акторов в ситуациях, которые частично являются дискретными, частично – общими для них.

Элементом всякой социальной системы является человеческий индивид как действующее лицо, как некоторая сущность, основная характеристика которой состоит в стремлении к достижению «целей», в реагировании эмоционально или аффективно на объекты и явления, и, в большей или меньшей степени, в осознании или понимании своей ситуации, своих целей и самого себя. Действие в данной системе координат по сути своей расположено на «нормативной», «телеологической» или, лучше сказать, «волюнтаристической» системе осей. Цель является, согласно определению, «желаемым» состоянием дел; неудача в ее достижении – «психологическим крушением» (*frustration*). Аффективная реакция включает компоненты удовольствия или страдания актора и одобрения или неодобрения объекта или состояния, которые вызывают реакцию. Наконец, когнитивная ориентация подчинена стандартам «правильности» или «адекватности» знания и понимания. Эта по существу «нормативная ориентация» действия направляет внимание на решающую роль тех «стандартов», которые определяют желаемое направление действия в форме целей и стандартов поведения. Эту систему нормативных стандартов, по-видимому, лучше всего рассматривать в качестве одного из наиболее важных элементов «культуры» группы, который также включает в себя типы когнитивных «идей», символов и других элементов. Однако, с нашей точки зрения, социальная система является

системой действия, т. е. мотивированного человеческого поведения, а не системой культурных стандартов. Она взаимодействует с культурными стандартами в одной связи точно таким же образом, как она взаимодействует с физическими и биологическими условиями в других отношениях. Но «система культуры» является иным уровнем абстракции от «социальной системы», хотя в значительной степени это абстракция от тех же самых конкретных явлений¹.

С этой точки зрения, способ интерпретации действия обладает своеобразной двойственностью. Первый существенный компонент – это «значение» («meaning») для актора, будь то на сознательном или бессознательном уровне. Второй компонент – это его отношение к «объективному» сцеплению объектов и событий как они анализируются и интерпретируются наблюдателем.

В некотором смысле эта исходная система координат состоит в выделении структурных категорий человеческой личности, с психологической точки зрения, которые должны быть использованы при описании и анализе каждой отдельной структуры характера или последовательности действий. Но структура социальных систем не может быть выведена непосредственно из системы координат «актор-ситуация». Помимо этого требуется функциональный анализ тех осложняющих обстоятельств, которые возникают в результате взаимодействия множества субъектов действия.

Даже абстрагированное от социальных отношений, особенности ситуации действия, а также биологические потребности и способности индивида составляют определенные фиксированные пункты детерминации в системе действия. Функциональные потребности социальной интеграции и условия, необходимые для функционирования множества акторов в качестве «единой» системы, достаточно хорошо сопряженной, чтобы существовать самостоятельно, оказывают определенное влияние и на другие обстоятельства.

Но функциональные потребности, лежат ли в их основе биологические, социокультурные или индивидуальные источники, поскольку они относятся динамически к такой концептуальной схеме, удовлетворяются посредством процессов действия. Потребность в пище биологически обусловлена; но процесс производства пищи человеком и различные социальные обычаи во вкусах в приготовлении и потреблении пищи определены биологически не более, чем любые другие социальные явления, такие как, например, создание и наслаждение симфонической музыкой. Следовательно, вопрос о конечном «источнике» потребностей является не корректным, если он не связан со структурой и

ориентацией социальных систем действия. В этом последнем случае здесь создается «фокус», вокруг которого концентрируются установки символа и стандарты действий.

Структура – это совокупность относительно устойчивых стандартизированных отношений между элементами. А поскольку элементом социальной системы является актор, то социальная структура представляет собой стандартизированную систему социальных отношений между акторами. Однако отличительная черта структур и систем социального действия заключается именно в том, что в большинстве отношений действующее лицо не принимает участия в качестве целостной сущности, а участвует в них лишь посредством данного дифференцированного «сектора» своего целостного действия (в том же смысле, в котором данный кирпич как целое является или не является «частью» данной стены). Такой сектор, представляющий собой единицу социальных отношений, стали называть «ролью»². Следовательно, предыдущее положение должно быть переформулировано: социальная структура представляет собой систему стандартизированных отношений акторов, выполняющих роли относительно друг друга. Понятие роли соединяет подсистему действующего лица как психологической единицы с определенной социальной структурой.

Здесь возникают два вопроса. Во-первых, какова природа этой связи, что такое социальная структура с точки зрения актора, выполняющего свою роль в ней? Во-вторых, какова природа «системы» стандартизированных отношений в социальной структуре?

Ключ к первому вопросу лежит в нормативно-волюнтаристическом аспекте структуры действия. С точки зрения социальной системы, роль – это некоторый элемент обобщенной стандартизации действий индивидуумов, входящих в эту систему. Но это не просто – статистическая тенденция. Важное значение здесь имеют категории цели и стандарта. С точки зрения актора, его роль определена нормативным ожиданием членов группы, сформированным в социальных традициях этой группы. Наличие таких ожиданий составляет существенную особенность ситуаций, в которых находится актор. Принятие или непринятие этих ожиданий влечет за собой санкции одобрения и награды или порицания и наказания. Более того, ожидание составляет часть его собственной личности. В процессе социализации им усваиваются – в большей или меньшей степени – стандарты и идеалы его группы, так что они становятся эффективны-

ми мотивационными силами в его собственном поведении, независимо от внешних санкций.

С этой точки зрения существенным аспектом социальной структуры является, система стандартизированных ожиданий, которая определяет правильное поведение личности, исполняющей некоторые роли, основанные как на ее собственных позитивных мотивах конформности, так и на санкциях других. Такие системы стандартизированных ожиданий, рассматриваемые по их месту в тотальной системе и достаточно глубоко пронизывающие действие, так что их можно принимать без доказательства как законные, условно называются «институтами». Следовательно, основным структурным стабильным элементом социальных систем, который, согласно изложенным соображениям, должен играть решающую роль в их теоретическом анализе, является структура институциональных стандартов, определяющих роли входящих в нее акторов.

С функциональной точки зрения институционализированные роли представляют собой механизм, интегрирующий весьма разнообразные возможности «человеческой природы» в единую систему, способную преодолеть ситуационные крайности, с которыми общество и его члены постоянно сталкиваются. Институционализированные роли выполняют две функции по отношению к этим возможностям. Первая состоит в отборе таких возможностей поведения, которые «удовлетворяют» потребностям и укладываются в пределы данной стандартизированной структуры; другие типы поведения при этом подавляются или ими пренебрегают. Вторая функция должна обеспечить через механизмы взаимодействия максимум мотивационной поддержки действию, соответствующих ролевым ожиданиям. Помимо прочего, как бескорыстные мотивы, ассоциирующиеся с «совестью» и «идеалами», так и эгоистические, должны быть мобилизованы для одного и того же.

Вторая основная проблема состоит в структуре самих институтов как системы. Институты понимаются как факторы, контролирующие действия человека в обществе и как следствия их. Следовательно, в качестве системы они должны быть одновременно связаны как с функциональными потребностями акторов – индивидов, так и с социальными системами, которые они образуют. Таким образом, основным структурным принципом, так же как и в анатомии, является принцип функциональной дифференциации. Однако функциональное содержание в социальных явлениях оказывается более сложным, ибо здесь переплетаются функциональные потребности актора и социальной системы.

Любая схема для анализа такой функционально-дифференцированной структуры по необходимости будет сложной, и, вероятно, ни одна из них не будет единственно «правильной». Однако исходная трехмерная схема представляется достаточно приемлемой и высоко обобщенной³. Во-первых, здесь имеются «ситуационные» институты или стандарты. Таковыми оказываются организации ролей вокруг аспектов ситуаций, в которых находятся акторы и социальные системы. Наиболее яркий пример этому дают роли родства, организованные вокруг биологической зависимости индивидов по принципу происхождения, и в менее яркой форме – политические институты, организованные на основе солидарности в применении силы и подчинении ей в рамках территориальной общности.

Второй тип институтов – инструментальные, сформировавшиеся ради достижения вполне определенных целей. Например, некоторая данная процедура, вроде тех, что применяются в современной медицине, осуществляется в рамках институционализированной роли врача. Наконец, в-третьих, имеют место «интегрирующие» институты, которые ориентированы прежде всего на регуляцию отношений индивидов, с целью избежать конфликтов или добиться позитивной кооперации. Примерами этого могут служить социальная стратификация и власть.

Поскольку относительная оценка личных качеств и достижений в социальной системе неизбежна, постольку весьма существенно, чтобы эти оценки интегрировались в упорядоченной системе ранжирования, в системе стратификации общества. В то же время возможности отклоняющегося поведения и необходимость в детальной координации действий многих людей во всяком сложном обществе таковы, что нельзя положиться на спонтанную реакцию, на неорганизованный контроль. Некоторые лица и организованные агентства должны обладать властью, чтобы в определенных пределах подавить отклонение и его последствия или способствовать эффективной кооперации. И опять весьма существенно для интеграции общества, чтобы такой контроль над другими был институционально упорядоченным, регулируемым и представлял собой систему ролей законной власти. Это – важный фактор эффективности контроля, ибо он делает возможной апелляцию к чувству морального обязательства и позволяет регулировать самому власть, которая в случае злоупотребления может привести к серьезным последствиям.

Важность понимания институтов как функционально дифференцированных систем состоит в том, что такое понимание позволяет рассматривать изменения в любой части социальной системы с точки зрения их взаимозависимости во всей системе, как целом. Поскольку такая система адекватно формулируется в обобщенных структурах и является структурно завершенной, постольку она требует, чтобы обращалось явное внимание на каждое из возможных отражений изменения в различных направлениях.

Однако динамический анализ невозможен только лишь с точки зрения систематического рассмотрения институциональной структуры. Для проведения такого анализа необходимо ввести обобщающее истолкование поведенческих тенденций акторов – людей в той ситуации, в которой они находятся, подлежащих воздействию ожиданий их институционализированных ролей. В самых общих чертах такое обобщение зависит от теории «мотивации» человеческого поведения.

Исходные основания такой теории должны быть получены из психологии. Но, поскольку «идеосинкразический» элемент в поведении и мотивации индивидов весьма велик и поскольку уровень абстрагирования в психологии таков, каков он есть, постольку вообще невозможно вывести адекватную теорию мотивации социально организованных массовых явлений путем простого «применения» психологических обобщений. Отношения между психологическим уровнем и поведением в социальных системах сложно, но на это отношение проливается свет благодаря психологической трактовке понятия роли.

Все это прежде всего истинно в двух направлениях. Ранняя тенденция в психологии рассматривала «личность» как выражение генетической конституции или как единственную в своем роде идиосинкразическую личность. Однако, изучение социализации в сравнительной перспективе показывает, что у тех, кто социализировался в одной и той же культурной и институциональной системе, в «структуре характера» существуют значительные элементы единообразия, варьирующие в зависимости от различных ролей внутри системы⁴.

Хотя пределы применения этой концепции структуры еще не выяснены, все же признано ее общее теоретическое значение. Там где она применяется, стандарты мотивации, которые обычно используются для объяснения поведения в институционализированной роли, не выводятся непосредственно из «склонностей человеческой природы» вообще. Они зависят от компонентов, организованных в некоторую особую структуру. Сформировавшийся тип лич-

ности будет обладать своим собственным стандартом мотивации и тенденциями поведения.

Другое принципиальное направление развития касается области, которая рассматривает процессы подвижности поведения в любой данной социальной системе на психологическом уровне. Очевидно, особенно в результате рассмотрения сложных обществ, что эти пределы относительно широки для больших масс населения и что распределение типов характера, в большей или меньшей степени отвечающих требованиям данной роли, также достаточно разбросано.

Основной механизм здесь заключается в том, что может быть названо «структурной генерализацией цели» и другими аспектами ориентации. Как считает Томас, одна из основных функций институтов состоит в «определении ситуации»⁵ для действия. Как только ситуация институционально определена и это определение подтверждено системой санкций интегрированной соответствующим образом, действие, поддерживаемое соответствующими тенденциями в ожиданиях, стремится, как указывалось, мобилизовать в свою пользу широкое разнообразие мотивационных элементов. Так, если взять наиболее известный пример – «мотив прибыли», играющий столь важную роль в экономических дискуссиях, то это вовсе не является психологической категорией. Верный взгляд скорее состоит в том, что система «свободного предпринимательства» в экономике, основанная на деньгах и рынке, определяет ситуацию для поведения и ожиданий поведения от делового предприятия таким образом, что люди должны стремиться к прибыли как условию выживания и как показателю успеха своей деятельности. Следовательно, какие бы интересы ни руководили индивидом, будь то достижение, самоуважение, восхищение со стороны других и т. д., не говоря уже о том, что можно купить за деньги, – все они превращаются в деятельность по производству прибыли⁶. В ситуациях, определяемых различно, одинаковые исходные мотивы приводят к совершенно различным видам деятельности⁷.

Таким образом, при анализе динамических проблем социальной системы недостаточно применять «психологию» к поведению индивидов в соответствующей «объективной» ситуации. Необходимо дать интерпретацию их «реакций» с точки зрения, по меньшей мере, двух других проблем – знания о структуре характера, «типичной» именно для этой особенной социальной системы, и своеобразных целей и ориентаций, возникающих в результате «определений ситуаций», распространенных в данном обществе.

Но при всем уважении к анализу данного типа, остается в силе то, что основные динамические категории социальных систем являются «психологическими». Отношение психологии к теории социальных систем аналогично отношению биохимии к общей физиологии. Точно так же как организм не является категорией общей химии, так и социальная система не является категорией психологии. Но в физиологической концепции того, что такое функционирующий организм, процессы признаются химическими по своей природе. Точно так же и процессы социального поведения, как и любые другие процессы поведения, являются психологическими. Но вне истолкования, придаваемого этим процессам их институционально-структурным контекстом, они утрачивают свое значение для понимания социальных явлений.

Каким бы кратким и незаконченным не являлось все сказанное выше, все же можно надеяться, что это дает представление об основных чертах возникающей структурно-функциональной теории социальных систем. Остается поставить вопрос, в каком аспекте эта теория может рассматриваться как специфически социологическая.

Конечно, возможно рассматривать социологическую теорию в качестве теории социальных систем вообще. Однако такой подход представляется нежелательным, так как в этом случае социология стала бы крайне громоздкой дисциплиной, включающей в главное содержание психологию и всю экономическую теорию. Наиболее важная альтернатива состоит в том, чтобы считать социологию одной из наук об институтах в вышесказанном смысле слова или, более специфически, – об институциональной структуре. Отсюда следует, что социология не должна ограничиваться только статическим структурным анализом, но и уделять определенное внимание проблемам структуры, включая структурные изменения. Динамические, особенно психологические, проблемы войдут в социологию с точки зрения их специфического отношения к данному контексту⁸.

Такой взгляд позволяет определить психологию как общую науку о структуре человеческой личности и мотивации. Совершенно ясно, что многие конкретные проблемы психологии в этом смысле совсем не являются социологическими. Например, социологические соображения будут вторичными и периферийными во всей области клинической психологии. Однако обе эти науки неразрывно связаны между собой, и данные, касающиеся ролевой структуры социальной системы, по меньшей мере, подспудно включены во все конкретные

психологические проблемы. Это – обычная ситуация в отношении различных наук.

Такой взгляд позволяет также провести различие между социологией и экономической теорией. Экономическая теория занимается определенными динамическими процессами, происходящими внутри социальных систем. Ситуация, где экономическая теория особенно необходима, ограничена определенными типами социальных систем, особенно теми, где в большей степени распространена первичная ориентация на оптимальное использование ресурсов и цен. Такая ситуация предполагает, во-первых, отчетливо выраженную институциональную структуру. Во-вторых, как следствие из этого, она предполагает организацию мотивов вокруг структурно обобщенных целей определенных типов. Но, при таких условиях, специфические динамические последствия экономически ориентированного действия должны анализироваться с точки зрения особой концептуальной схемы. И Парето, и другие исследователи хорошо понимали, что эта схема в высшей степени абстрактна и более широкие аспекты динамики тотальных экономических систем будут неизбежно включать взаимосвязь с неэкономическими переменными.

В некоторых аспектах возникновение в сложных социальных системах определенных явно функционально-дифференцированных структур аналогично специфическим чертам товарного производства. Может быть, самым важным примером этого является управление. Всегда возможно считать изучение таких структур и соответствующих социальных процессов предметом относительно независимой науки. Однако до сих пор ни один из этих вариантов не имеет особой аналитической схемы, появление которой могло бы означать, что эта область приобрела теоретический статус, аналогичный тому, которым обладает сама экономика. Поэтому в высшей степени проблематично, можно ли считать «политическую теорию» в научном, а не в этическом или нормативном смысле, фундаментальным элементом теории социальных систем. Вероятно, более логично рассматривать ее в качестве области применения общей теории социальных институтов, но достаточно дифференцированной, чтобы ее можно было бы трактовать как независимую дисциплину для многих целей. Подобные соображения распространяются и на другие аспекты структурной дифференциации, например, религиозные.

Наконец, возникает вопрос, следует ли антропологию рассматривать в теоретическом смысле как независимую науку. В качестве изучения первобытных

обществ она, конечно, является весьма специализированной областью, в некотором смысле аналогичной случаю с управлением. Однако, поскольку ее теоретическая задача заключается в изучении социальной системы, как таковой, то оказывается, что нет оснований рассматривать социальную антропологию в качестве особой теоретической дисциплины. В соответствующем аспекте она должна считаться ветвью социологии, а в других аспектах – экономики, логической науки и т. д. Однако возникает одна проблема, анализ которой может привести к изменению этого взгляда. Многие защитники антропологии считают, что это наука о культуре, а не о социальных системах. В вышеприведенном анализе выявилось, что культура, хотя эмпирически фундаментальна для социальных систем, и в этом смысле – их компонент, в теоретическом смысле не является исключительно социальным явлением. Указывалось, что изучение структуры культурных стандартов, как таковых, и их структурной взаимозависимости есть законная абстракция от конкретных явлений человеческого поведения и его материальных следствий. Оно совершенно отличается от их изучения в контексте взаимозависимости с социальной системой. Такое изучение не эквивалентно изучению институтов как аспекта социальной системы. Если фокус теоретического интереса антропологии должен развиваться в этом направлении, то отсюда следует два важных вывода. Во-первых, совершенно ясно, что традиционный интерес антропологии к первобытным народам не может быть поощряем. Культура первобытных народов, так же как и структура их институтов, не является больше основанием для обособления и развития науки. Во-вторых, важно уяснить отношение между культурной и социальной структурой. Именно по этому вопросу возникает большая путаница как среди социологов, так и среди культурных антропологов.

Примечания

1. О различии действия и культуры см. «The Structure of Social Action», гл. XIX, с. 762 и далее. Этот взгляд отличается от взгляда Клакхона и Келли в «The Concept of Culture» in R. Linton, ed., «The Science of Man in the World Crises», Columbia Univ. Press.

2. Это понятие было использовано Р. Линтоном в «The Study of Man» (N. Y., 1936). См. особенно гл. VIII.

3. См. «Toward a Common Language for the Area of Social Science». Часть II, помещенная в настоящем томе.

4. См., например, Abram Kardiner «The Individual and his society» (N. Y., 1939), а также последние работы Маргарет Мид.

5. Особенно см. его «The Unadjusted Girl» (Boston, 1927). Введение.

6. См. T. Parsons «The Motivation of Economic Activity», Canadian Journal of Economics and Political Science, p. 187 – 203, May, 1940. Дальнейший анализ отношения роли-структуры к динамике мотиваций см. T. Parsons «Propaganda and Social Control», «Psyhiatry», 5, 551 – 572, Nov. 1942. Обе статьи напечатаны там же.

7. См. Malinowski, «Corol Garden and Their Magic» (London, 1935), том I, гл. I, часть 9.

8. Это едва ли чем отличается от взгляда, изложенного в «The Structure of Social Action», гл. XIX, институты – такие элементы структуры социальных систем, которые наиболее четко воплощают в себе типы «общей ценностной интеграции» системы действия.

Талкотт Парсонс

Новые тенденции в структурно-функциональной теории

(из книги: *«Fact and Theory in Social Science»*, ed. E. W. Count and G. T. Bowles, N. Y., 1964)

Структурно-функциональную теорию можно рассматривать не столько как школу или тип теории в обычном смысле этого слова, сколько как некоторый этап более общего развития теоретической мысли в социальных науках. Мне кажется, что этот этап характеризуется прежде всего тем, что становится особенно важным понятием системы. В то же время этот этап воплощает в себе интерес к системам, характеризующимся стремлением подойти как можно ближе к значительным эмпирическим обобщениям и проблемам, хотя одновременно становится очевидным, что эти две цели при нынешнем уровне знания не совместимы с требованиями, предъявляемыми к идеальной теоретической системе – такой дедуктивной системе высказываний, где все эмпирические положения должны быть строго выводимы из небольшого числа основных посылок.

В рамках этой широкой концепции имеются, я полагаю, две принципиальные особенности структурно-функциональной теории в социологии в отличие, например, от такой теории в биологии, откуда эта модель в значительной степени была заимствована. Можно сказать, что эти особенности являются двумя основными содержательными категориями, которые следует использовать при интерпретации социального действия в том виде, в каком эта проблема прежде всего сформулирована М. Вебером в его методологических работах. Первая особенность состоит в отнесении к культурному содержанию с присущими ему комплексами символически значимых стандартов, которые обладают нормативным значением для деятеля, т. е. многообразными способами, определяющими то, что он должен делать, и дифференцирующими более или менее данные способы действия. Другая особенность состоит в рассмотрении психологической мотивации деятеля с точки зрения удовлетворения и неудовлетворения интересов. Эти интересы сталкиваются в отношениях между деятелями как в связи с нормативными культурными компонентами системы, так и в связи с внешней, т. е. выходящей за сферу действия, средой.

По-видимому, можно утверждать, что этот тип теории выкристаллизовался в Соединенных Штатах в 30-е гг. Это произошло главным образом в результате синтеза трех традиций: английской социальной антропологии, в которой Малиновский и Радклифф-Браун, при всем их отличии друг от друга, были наиболее важными фигурами; а также учений Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. Влияние теории Дюркгейма – Радклифф-Брауна, вероятно, было наиболее существенным для понятий функции и системы, а влияние Вебера – для аналитического метода в рамках данной конструкции. Можно заметить, что эти два элемента, отмеченные Вебером, создали исходные предпосылки для определения взаимоотношений между социальными и культурными системами, с одной стороны, и психологическими или личностными системами – с другой.

Одна из самых трудных проблем социологической теории заключается в том, чтобы из множества типов описания социальных явлений, существующих на уровне здравого смысла, понимаемого настолько широко, что в него включается и право, – отобрать и упорядочить эти описания с точки зрения их специфических интересов.

Простейший случай использования понятия структуры состоит в описании аспектов системы, которые для определенной цели могут рассматриваться как данные таким образом, что описание касается лишь определения их свойств в их отношении к иным связанным элементам. Осуществление структурного анализа в этом смысле может показаться настолько простым, что было бы незаконно называть его теоретическим анализом в каком бы то ни было смысле. Это понятие заставило в рамках всякой систематической конструкции ставить вопрос о месте любого описываемого явления в более широкой системе. Основная предпосылка этого направления заключается в предположении, что явления находятся в состоянии своего рода систематической взаимозависимости друг с другом, хотя конкретный вид этой связи остается в высшей степени проблематичным.

Именно с этой точки зрения становится ясно, насколько важно понятие структуры. Структура, понятие общее, разумеется, для всех эмпирических наук, означает некоторый аспект системы, который обладает относительной устойчивостью. Примером этому может служить анатомическая структура.

Возможно, что именно понятие функции внутри и для социальной системы оказало величайшую услугу социологической науке в качестве искомого критерия уместности и значимости указанного процесса отбора и упорядочения.

С таким мнением я решительно не могу согласиться. Прежде всего, выбор из бесконечного разнообразия тех свойств, которые могут считаться важными, не может быть проведен на основе здравого смысла, а требует теоретических критериев. Так, на первых этапах становления механики не было очевидным, что масса тела, а не его плотность имеет специфическое теоретическое значение. Подобно этому в современной социологии строгое различие между ролью – участием индивида в социальном взаимодействии – и характеристикой его личности, независимой от ролевой структуры, стало общим местом. Тем не менее, история социальной мысли красноречиво свидетельствуют о том, что для последовательного проведения этого различения недостаточно было лишь здравого смысла.

Те же соображения относятся и к установлению связей между компонентами некоторой социальной системы на чисто структурном уровне. Это видно на примере различий между универсалистическим и партикулиристическим способами упорядочивания отношений между структурными единицами в социальной системе (эти термины, хотя и в несколько ином смысле употреблял Макс Вебер). Так, структура родства рассматривается в подавляющем большинстве случаев в понятиях партикуляризма, в то время как распределение статусов, определяемое успехами в деятельности, как например, в школьной системе, – в понятиях универсализма.

Уже отмечалось, что именно понятие функции, включающее в себя, конечно, систематическую классификацию функций различного типа, составляет исходное теоретическое основание для структурного анализа даже на этом элементарном уровне. Вопрос о роли некоторого структурного компонента в функционировании системы всегда косвенно, если не прямо, является вопросом о вероятных последствиях определенных изменений в функционировании данной системы, которые будут представлять собою следствие определенных же изменений в ее структуре. Конечно, теоретическое определение отношений между этими двумя рядами изменений предполагает, с одной стороны, систематически упорядоченную классификацию структурных типов, где различаются каждый компонент и каждая категория отношений между ними. С другой стороны, установление отношений между изменениями и их последствиями требует эмпирического доказательства этого взаимоотношения на достаточном многообразии случаев.

Этот «простой» уровень теоретического анализа, таким образом, предполагает определенную структуру проблем, которые являются весьма перспективными. Существует, по крайней мере, три органических области структурного обобщения, которые присущи ему. Первая – это обобщение относительно взаимосвязи структурных компонентов в частных типах социальных систем, о степени жесткости и гибкости таких отношений и о пределах совместимости различных компонентов в одной и той же системе. Вторая область – это проблема сравнительной типологии социальных систем и, следовательно, проблема степени изменчивости вариабельности систем в целом, а не их частей. И снова, как показал Вебер, логика доказательства причинных зависимостей в социальных процессах основывается на систематической сравнительной типологии. Наконец, существует проблема генетических отношений между структурными типами. Структурные изменения потенциально присущи всем социальным системам. Поэтому вопрос о том, какие структуры и при каких условиях могут измениться в некоторые другие структуры, является неотъемлемым вопросом, внутренне присущим структурному анализу. По моему убеждению, без функциональных оснований невозможно осуществить концептуальный анализ проблем в любом из этих или во всех трех направлениях. Более того, мое убеждение сводится к следующему, что однажды вступив на путь функционального анализа, мы не можем остановиться до тех пор, пока не получим вполне удовлетворительное структурное обобщение, относящееся ко всем трем вышеназванным теоретическим областям. Это приводит к рассмотрению важнейшего вопроса об отношении между структурой и процессом. При условии того, что мы строго придерживаемся одного и того же уровня структурной концептуализации, что в свою очередь предполагает последовательное применение ряда теоретических положений, характеризующих систему и функцию, можно сказать, что единственный тип эмпирического обобщения, который может быть обоснован чисто структурным анализом, является корреляционным и вероятным.

Ценность подобного обобщения не следует преуменьшать. Но для большинства наук анализ осуществляется на двух уровнях – как например, в механике, где, с одной стороны, анализируются свойства и размещения тел, а с другой стороны, рассматриваются их движения; в биологии мы имеем уровни анатомии и физиологии.

Двумя соответствующими уровнями в науках о действии, включающих социологию, как мне кажется, являются, с одной стороны, уровень структуры, состоящей из системы институционализированных и интернационализированных культурных стандартов, которые, используя знаменитое выражение В. Томаса, «определяют ситуацию» действия и, с другой стороны, уровень «интернациональных», или целенаправленных или мотивированных действий лиц, в том числе в некоторых случаях и коллективов. По Веберу, «физиология» социальных систем состоит из мотивационных поступков членов данных систем, постановки целей выбора средств, экспрессивной символизации и т. п. Для того, чтобы такое действие можно было проанализировать с помощью рассматриваемой нами теории, оно должно быть «осмысленным» в двойном плане: культурной символизации и психологической мотивации. Но для того, чтобы данное действие было и социологически значимым, необходимо, чтобы оно имело отношение к некоторой структурно схеме, выраженной с помощью функциональных понятий и характеризующей одну или несколько социальных систем. Это означает, что должны быть рассмотрены явным образом последствия различных возможных типов осмысленных действий элементов данной системы для системы как таковой.

Отношения между этими теоретически существенными элементами при анализе процесса должны быть установлены при помощи специфического социологического сочленения культурных категорий значения и психологических категорий мотивации, сочленения, которое вытекает в концепции институционализированных ценностей и норм, с одной стороны, и ролей и общностей – с другой, как первичных структурных компонентов социальных систем, внутри которых может анализироваться значимое мотивированное действие.

В некотором смысле систематическое внимание к этому типу анализа мотивированного действия не является больше делом «структурно-функциональной» теории в простейшем смысле этого понятия. Я полагаю, что оно приводит к возникновению некоторого нового уровня анализа, на котором парными категориями являются не структура и функции, а структура и процесс.

Понятие функции становится тогда исходной точкой для формулировки проблем, которая оказывается общей для обоих подходов и которая связывает их с помощью того, что она устанавливает их значение для главного понятия – системы.

С точки зрения этих критериев, Макс Вебер не был таким представителем структурно-функциональной теории, какими были Дюркгейм или Радклифф-Браун. Однако он мыслил весьма похожими категориями, хотя не относит их непосредственно к понятию социальной системы. Его интерес к мотивированному действию и близкому понятию процесса сделали его работы важным переходным пунктом к социологии, ориентированной больше на понятие процесса. Четкие обоснования в систематической концепции функционально упорядоченной и дифференцированной системы, очерченной выше, сделали веберовский тип анализа более строгим и, следовательно, более плодотворным, чем он был вначале.

Рассмотрим теперь другой исключительно важный аспект этой теории, который хотя и связан с основными ее традициями, но вместе с тем выходит за ее пределы. Мы отмечали уже важность норм в определении ситуации мотивированного и осмысленного действия. С одной стороны, Вебер с его акцентировкой культурных моментов, с другой – Дюркгейм с подчеркиванием роли социального уровня пришли к важному понятию общезначимых нормативных элементов – убеждений и ценностей у Вебера и коллективного сознания у Дюркгейма. Отправляясь от этих положений, они постепенно пришли к пониманию того, что процессы, названные мною процессами институционализации и интeриоризации (по отношению к личности индивида) этих нормативных элементов, составляют главное в управлении действием в социальных системах, причем общая природа этих процессов стала значительно более понятной в последнее время.

Что более ясное понимание пришло в основном из областей, лежащих вне поведенческих наук, а именно из анализа саморегулирующихся систем в биологии и из расчета и проектирования систем обработки информации и автоматического регулирования в технике. Эта биологическая модель восходит по меньшей мере к теории Клода Бернера о постоянстве внутренней среды организма, как саморегулирующей биологической единицы, получившей дальнейшее развитие в понятии гомеостазиса у Кэннона. В огромной степени это стимулировалось последними достижениями в области цитологии и биохимии в связи с новыми знаниями о механизме наследственности видов и клеток, связанных с деятельностью сложных молекул ДНК и РНК. Воздействие техники, безусловно, было связано с работами в области расчета коммуникационных систем, вычислительных машин и автоматики.

В результате этих достижений появилась новая перспектива, заключающаяся в том, что был понят значение механизмов, ответственных за осуществление эталонов «планов», которые, работая на низких уровнях энергии, контролируют системы с гораздо более высоким уровнем энергии. Стало ясно, что выходы таких систем аналогичны символам, имеющим значения. Тем самым был установлен мост между теорией информации и лингвистикой. Благодаря этому был налажен контакт между естественнонаучными понятиями и традиционными проблемными областями наук, исследующих социальное поведение.

Исходя позицию можно определить следующим образом: социальное взаимодействие осуществляется в большинстве случаев через языковую коммуникацию, и язык, наряду с другими символическими средствами, составляет первичные механизмы контроля, связанные с механизмами мотивации, внутренне присущими личности. Эти мотивационные механизмы включены в интенциональные лингвистические выражения, которые в свою очередь в соединении ведут (через восприятие их значения) к действию.

Влияние этой линии анализа на издавна существующие споры о соотношении идеальных и реальных факторов в социальном процессе очевидно. Эта очень старая проблема, вероятно, должна в том же смысле, в котором было ложно в биологии XIX в. противоречие между сторонниками теории наследственности и сторонниками теории внешней среды. Совершенно ясно, что оба ряда факторов существенны для любого адекватного анализа процесса в социальных системах, в том числе и тех процессов, посредством которых одни структуры превращаются в другие. Однако это смелое утверждение, взятое в отрыве от других, не является особенно плодотворным. Необходимо установить позиции, о которых можно было бы судить более конкретно, что изменяется и как (т. е. посредством каких процессов) это происходит.

Я думаю, что ответы на эти вопросы должны быть изложены при помощи структурных категорий, выраженных в специфических теоретических понятиях. Для социальных систем такими понятиями будут роли индивидов, коллективов, установленные через их организацию и ассоциацию друг с другом, нормы которых подвергаются дифференциации путем функциональных распределений ролей и вкладов коллективов в систему, а также всеобщими ценностями, с помощью которых определяется степень законности различных функций.

Эти категории структурных компонентов социальных систем располагаются в реверсивном и иерархическом порядке контроля, который в то же время

является позитивным порядком необходимых условий. Это значит, что определение интересов личностей на уровне ролей является утверждением условий, необходимых для создания эффективных коллективов на следующем, более высоком уровне. Определенные уровни удовлетворения интересов коллективов становятся необходимыми, но недостаточными условиями поддержания ряда норм, снимающих различия между типами коллективов, например, в таких областях, как институционализация авторитета или наследование и отчуждение прав собственности. Заинтересованность в поддержании норм в свою очередь становится условием возможности осуществления определенных ценностных категорий, как например, равенства возможностей.

То, что я назвал управлением, является побочным результатом такой иерархии, в которой интересы трактуются как условия. Так, непосредственным ограничением реализации первичных экономических интересов единиц на ролевом уровне является коллективная организация (с аналитической точки зрения это – политика). Только в рамках такой организации могут быть обеспечены межличностные условия эффективной социальной производительности. В этом смысле организация на коллективном уровне управляет деятельностью единиц на ролевом уровне. Подобно этому эффективная деятельность коллективов более высокого уровня может быть обеспечена только тогда, когда интересы частных коллективов будут отнесены к уровню нормативной системы более общей, чем интересы одного частного случая или частного типа такого коллектива. Законный порядок, который хотя и поддерживается часто одним коллективом – государством, во многих отношениях независим от исполнительной власти последнего и является прототипом такого нормативного порядка. Наконец, как ясно подсказал Вебер, посредством узаконивания авторитета и введения ценностей в более определенный культурный контекст ценности осуществляют контроль над более низкими уровнями социальной структуры в том смысле, что действие, отрицающее их, порождает конфликты, парализующие действия до тех пор, пока не будут выработаны альтернативные образцы ценностей.

Только что рассмотренные категории по преимуществу относятся к аналитическим. Любое из конкретно существующих обществ и любая их подсистема должны рассматриваться с двух сторон. Относительно каждой категории существует иерархия, например, ценности, принятые всем обществом, должны иметь приоритет перед ценностями отдельных коллективов – семьи или фирмы. Однако, объясняя относительность аналитического статуса этих категорий,

можно сказать, что исходное отнесение управляющих элементов в установленном здесь смысле является нормативным и культурным; тогда как то, что обуславливает «интересы», является мотивационным, хотя на уровне коллективов мы должны говорить о типических мотивах и типологизированном распределении их, а не о конкретных мотивах отдельных индивидов.

Как это понимать в терминах старой дихотомии «идеального» и «реального»? Я думаю, что общий ответ на это уже существует. Он заключается в том, что в достаточно сложных системах это отношение осуществляется при помощи обобщенного набора средств, которые настолько определенно являются средствами коммуникации, что их вполне можно трактовать как специализированные «языки управления». Наиболее известный из них и менее всего понимаемый среди социологов – это феномен денег. На мой взгляд, политическая власть, правильно понимаемая, является другим подобным механизмом и таковым же является «влияние общественного мнения».

Одна из функций этих средств состоит в том, чтобы определять ситуацию действия через институциональное определение «интересов», т. е. категорий целей, которые могут преследоваться и достигаться при их помощи и тем самым определять границы, в которых действие может оставаться социально приемлемым. Например, в развитом рыночном хозяйстве широкое распространение «приобретательских» интересов законно достигается при помощи денег, т. е. контроля над товарами, услугами и некоторыми «неуловимыми» предметами потребления и факторами производства. И наоборот, существуют одинаково ориентированные или направленные виды действия, при помощи которых деньги могут быть приобретаемы посредством профессионального труда, продажи ценных товаров или сбора налогов правительством. Конечно, оба явления подвергаются нормативному контролю, как формальному, так и неформальному, причем не только по поводу незаконного использования и приобретения денег, как например, даче ложных сведений о товарах, но и в таких ситуациях, где использование денег строго запрещено, например, для обеспечения себя голосами на выборах.

Таким образом, деньги организуют широкое поле деятельности и отношений в обществе, включая контроль над физическими источниками и объектами использования, выполняя тем самым первичную функцию общества как системы – экономическую, относящуюся к производству и распределению общих возможностей или источников для других функциональных потребностей. Цели

единиц, насколько их можно определить с точки зрения экономического интереса, можно представить как относящиеся к экономической или производственной функции системы. И цели, и функция предварительно интегрированы ценностями, институционализированными в этой системе и ее элементах, а также нормами, посредством которых эти ценности проводятся в многообразии различных ситуаций.

В то же время деньги для других единиц структуры являются обобщенным средством осуществления интересов данной единицы, которые в силу того, что средство обобщено, могут определяться как интерес в денежных ресурсах без спецификации детализированных подцелей и «желаний», стоящих за более общим интересом. Денежный механизм, включая институциональную основу нормы, которой он подвержен, и сложный комплекс контекстов отношений или рынков, в котором он действует, может считаться одним из наиболее важных механизмов, посредством которых интегрируются интересы единиц социальной системы и ее нормативной структуры. Такая интеграция, безусловно, подвержена различного рода напряжениям, всегда не завершена, а в отдельных случаях может быть серьезно или даже полностью разрушена. Она также сложно включена в взаимодействие с другими факторами общей системы. Однако возникающие вследствие этого трудности не меняют того факта, что только через понимание таких механизмов можно в терминах процессов понять как, а не только структурное что этих «идеальных» и «реальных» факторов социальной системы, соотносящихся друг другом, включая помехи, которым подвержены их действия и, следовательно, условия их эффективного действия.

Мне хотелось бы, не обсуждая эту проблему в деталях, сказать, что политическая власть является таким же обобщенным механизмом, таким же языком управления, работающим в разных обществах аналогичными, хотя и не тождественными способами. В этом плане я представляю себе власть не только как то, что характеризует правительство, но и как то, что присуще всем организованным коллективам и частного, и общественного секторов. Власть связана с авторитетом подобно тому, как деньги – с собственностью как институтов. Власть является средством, при помощи которого обобщенный авторитет используется для усиления эффективности коллективного действия. Действие власти принуждает соответствующих членов коллектива выполнять роль, цель которой состоит в необходимости осуществления коллективного действия.

Не вдаваясь в подробности природы власти в социальных системах, я хотел остановиться лишь на тех особенностях, которые являются характерными и

для денежных систем. Узаконенные аспекты авторитета – как частного, так и публичного – и предлагаемые ограничения в их использовании и приобретении определяют те цели, которые коллективы могут ставить, а также пути их достижения. В этом плане нормативная структура общества проявляется в сугубо важной сфере коллективного действия. Но в то же время власть, включающая не только свои средства, но также и систему авторитета, внутри которой она существует, – правила приобретения власти, концепции ее незаконного применения и представления о сферах, где ее вообще быть не должно, – например, в либеральном обществе нельзя навязывать религиозные доктрины – является, наряду с деньгами, вторым видом общего структурирования интересов в обществе. Члены данного коллектива вынуждены оперировать через систему власти или отказаться от некоторых преимуществ, получаемых ими от участия в ней. Следовательно, в достаточно широких границах понимание институционализированной власти в обществе может увеличить наше знание о процессах, посредством которых канализируется мотивированное действие и отсюда – пути, по которым достижение интересов может рассматриваться как определенный порядок следующих друг за другом состояний системы.

Такой политический анализ испытывает те же трудности, которые присущи экономическому анализу, трудности, возникающие при неполной интеграции и при изменениях ее уровней. Только для строго определенных целей допустимо ограничиваться рассмотрением политического комплекса в отрыве от других; он сложным образом взаимосвязан не только с экономическим, но и по меньшей мере с двумя другими, которые не могут быть здесь рассмотрены.

Выше обсуждалось развитие социологической теории, которая лично для меня имела особое значение в течение последних лет. Это направление, по-видимому, важно в нескольких отношениях, каждое из которых открывает более богатые возможности для синтеза экономики и социологии с политической наукой, по сравнению с теориями недавнего прошлого. Я думаю, что в результате такого синтеза мы подходим к гораздо более высокому уровню обобщенного знания, чем это было возможно на основе предыдущей теории. Более того, мне кажется, что с отказом от того типа чисто структурного анализа, который был описан в начале главы, и с обращением к концепции процесса, теория будет развиваться в таком направлении, относительно которого старый термин «структурно-функциональная» не будет адекватным. Здесь я могу согласиться с моим коллегой К.Девисом в том, что любая хорошая теория функциональна.

Талкотт Парсонс

Функциональная теория изменения

(из книги: «*Social Change*», ed. A. Etzioni, N. Y., 1966)

Один из важных канонов науки состоит в том, то невозможно исследовать все сразу. Поскольку основа обобщения в науке состоит в демонстрации связанности процесса изменения, то всегда будет существовать различие между теми чертами наблюдаемых явлений, которые изменяются, и теми, которые не изменяются при соответствующих пространственно-временных ограничениях. Если нет соответствующего критерия неизменности, с которым можно соотнести изменяющееся, то нельзя определить и специфические черты изменения.

Понятие структуры является для меня сокращенным выражением этого основного положения. Структура системы является тем рядом свойств компонентов и их отношений или комбинаций, который для частых аналитических целей логически и эмпирически может трактоваться как константный. Однако, если существует веское эмпирическое подтверждение того, что такие постоянные элементы системы одного типа полезны для понимания изменения элементов другого типа, то такая структура оказывается произвольным методологическим допущением, а положения о ней и границах ее эмпирической стабильности становятся эмпирическими обобщениями, значимость которых зависит от степени их «динамичности»...

Любую систему, с одной стороны, можно представить как структуру, т. е. ряд единиц или компонентов со стабильными свойствами (которые, конечно, могут быть и отношенческими), а с другой стороны, как события, процессы, в ходе которых «нечто происходит», изменяя некоторые свойства и отношения между единицами.

Данное понятие стабильности используется здесь в качестве определяющей характеристики структуры. В этом смысле надо отличать этот термин от термина «структура», которым характеризуется система как целое и некоторая подсистема такой системы. В принятом здесь понимании термин «стабильность» эквивалентен более специфическому понятию стабильного равновесия, которое в другом отнесении может быть как «статичным», так и «подвижным». Система стабильна или находится в относительном равновесии, если отноше-

ние между структурой и процессами, протекающими внутри нее, и между ней и окружением таково, что свойства и отношения, названные нами структурой, оказываются неизменными. Вообще говоря, в «динамических» системах такое поддержание равновесия всегда зависит от постоянно меняющихся процессов, «нейтрализующих» как экзогенные, так и эндогенные изменения, которые, если они зашли слишком далеко, могут привести к изменению структуры. Классическим примером равновесия в этом смысле является поддержание температуры тела, близкой к постоянной, млекопитающими и птицами...

Процессами, противоположными стабильным и равновесным, являются те, которые вызывают структурное изменение. Такие процессы существуют, и именно они больше всего интересуют нас сейчас. Так, даже в физике, где масса атома отдельного элемента служит прототипом стабильной структурной точки отсчета, последние открытия приводят к признанию принципа изменения, согласно которому структуры «атомной идентичности» посредством расщепления и синтеза преобразовываются в другие. Причина, по которой важно помнить об аналитическом различении понятий структуры и процесса, стабильности и изменяемости, состоит не в предпочтении одного предмета в паре другому, а в требованиях упорядоченной процедуры научного анализа.

Мне представляется, что различие между этими двумя парами понятий является различием в уровнях системного отнесения. Структуру системы и ее окружения следует отличать от процессов внутри систем и процессов взаимодействия между системой и ее окружением. Существуют процессы, которые поддерживают стабильность системы как через внутренние структуры и механизмы, так и через взаимодействие с ее окружением. Такие процессы, поддерживающие состояние равновесия системы, следует отличать от иных процессов, которые изменяют указанный баланс между структурой и более «элементарными» процессами таким образом, что приводят к новому и отличительному «состоянию» системы, состоянию, которое должно дописываться в терминах, фиксирующих изменения первоначальной структуры. Конечно, это различие относительно, но эта относительность носит существенный и упорядочивающий характер. Этим я хочу сказать, что для любого достаточно развитого уровня теоретического анализа существует по крайней мере две систематически связанные перспективы, в которых можно рассматривать проблему непрерывных изменений.

Эти соображения составляют основу переходов, при помощи которого я хотел бы проанализировать изменения в социальных системах. Мне хотелось бы попытаться обсудить тот тип изменения, который только что противопоставлялся стабильности. Поэтому будет сделано предположение, что существуют системы или ряд систем, для которых понятие равновесия вполне релевантно, но которые рассматриваются как претерпевающие процесс изменения, сначала нарушающий внутреннее равновесие, а затем приводящих систему через это состояние к новому равновесному состоянию...

Начнем с вопроса о структуре социальных систем и введем как формальный, так и содержательный уровни рассмотрения. Формальный уровень состоит в том, что любая эмпирическая система может рассматриваться как состоящая из: 1) единиц, таких, как частица или клетка и 2) из стандартизированных отношений между этими единицами – таких, как относительное расстояние, «организация» в ткани и органы. В социальной системе минимальной единицей является роль участвующего индивидуального деятеля (или, если угодно, статус-роль), а минимальное отношение представляет из себя стандартизованное взаимодействие, когда каждый участник функционирует как деятель, в том или иной мере ориентируясь на других, и наоборот, каждый является объектом для всех остальных. Единицами социальных систем более высокого порядка являются коллективы, т. е. организованные системы действия, характеризующиеся исполнением ролей множеством человеческих индивидов. Может быть, было бы удобнее говорить об этих единицах, как о единицах ориентации, когда речь идет о деятелях, и о единицах модальности, когда рассматриваются объекты¹.

В социальной структуре элемент «стандартизованного отношения» частично является «нормативным». Это означает, что с точки зрения единицы это отношение включает в себя ряд «ожиданий» относительно поведения этой единицы по оси: приемлемое – неприемлемое, правильное – неправильное. С позиций других единиц, с которыми эта единица отнесения находится во взаимодействии, это оказывается рядом стандартов, в соответствии с которыми могут узакониваться позитивные или негативные санкции. В связи с различением роли и коллектива на уровне единиц устанавливается различие между нормой и ценностью на уровне отношенческого стандарта. Ценность – нормативный стандарт, который определяет желаемое поведение системы относительно ее окружения без дифференциации функций единиц или их частных ситуаций. Норма, в свою очередь, является стандартом, определяющим

желаемое поведение для единицы или класса единиц в специфических для них контекстах, дифференцированных от контекстов, связанных с другими классами единиц.

Положение о том, что отношенческие стандарты являются нормативными, означает, что они состоят из институционализированной нормативной культуры. То же распространено и на сами единицы. Поэтому то, что мы называем структурными свойствами единиц на одном уровне, на следующем становится отношенческими стандартами, которые упорядочивают отношения. Последние, в свою очередь, предоставляют свойства более мелких единиц, составляющих этот уровень. В более широком смысле справедливо поэтому утверждать, что структура социальных систем в общем состоит из институционализированных стандартов нормативной культуры. Конечно, далее важно помнить в том, что эти стандарты должны рассматриваться на двух различных уровнях организации, которые мы называем уровнем единиц и уровнем стандартизированных отношений между этими единицами.

Вернемся теперь к парадигме стабильной системы, обсужденной выше. Это – процесс в системе, который может быть понят как процесс взаимобмена входов и выходов между единицами (подсистемами) в системе, с одной стороны, и между системой и ее окружением при посредстве своих единиц, с другой. Существует некоторый «поток» таких выходов и входов между всеми парами классов единиц, независимо от того, является отношение внутренним или внешним. То, что я называю нормативным стандартом, управляющим отношением, можно рассматривать как регулятор этого потока. Для осуществления стабильного взаимобмена в движении входов и выходов, с одной стороны, должна быть сохранена известная гибкость, а с другой стороны, должны существовать определенные механизмы канализации этого процесса, сдерживающие его в определенных границах.

Классическим случаем является обмен «ценных» вещей, а именно, товаров, услуг и денег, составляющий содержание рыночного процесса. Нормативными стандартами здесь являются институциональные стандарты, определяющие деньги, а также нормы контракта и аспекты собственности помимо денег, представленные у Дюркгейма в известной фазе о недоговорных элементах контракта. Равновесие рыночной системы зависит от поддержания границ флуктуации уровня этих потоков в соответствии с рядом изначально данных условий. Стабильность структуры рыночной системы в этом смысле является,

с другой стороны, результатом стабильности нормативной стандартной системы институтов.

Далее. Что же мы подразумеваем под устойчивостью институционального комплекса? Во-первых, конечно, стабильность самих нормативных стандартов. Один термин «норма», по-видимому, слишком узок, особенно если он приравнивается к термину «правило», так как он предполагает такой уровень простоты, который допускает описание в одном утверждении, а это заведомо неверно для случаев собственности или контракта. Во-вторых, стабильность предполагает минимальный уровень связанности действующих единиц определенными внутренними обязательствами, т. е. их предрасположенности к действию в соответствии с определенными ожиданиями, а не к уклонению или сопротивлению им, и к применению соответствующих санкций, позитивных или негативных, к другим единицам в связи с их ожидаемым действием, уклонение или сопротивлением. В-третьих, институционализация предполагает понятие эмпирического и одинаково всеми понимаемого «определения ситуации» в смысле понимания того, чем является система отнесения²; это определение ситуации может быть настолько идеологически искаженным, что всякое функционирование становится невозможным³. Наконец, институционализация означает некоторый порядок интеграции частного нормативного комплекса в более общий комплекс, управляющий системой в целом на нормативном уровне. Так, доктрина «отдельных, но равных» оказалась плохо интегрированной с остальными частями американской системы конституционных прав, сформулированных на основе конституционального принципа «равного отношения ко всем».

Эндогенные и экзогенные источники изменения

Понятие стабильного равновесия предполагает, что с помощью интегративных механизмов эндогенные изменения поддерживаются в определенных границах, соответствующих основным структурным характеристикам, а с помощью адаптивных механизмов в таких границах удерживаются флуктуации в отношениях между средой и системой. Если мы посмотрим на стабильное равновесие с позиций принципа инерции, то объяснить изменение в этом стабильном состоянии можно, только представив себе достаточно мощные дезорганизующие силы, способные преодолеть стабилизирующие или уравнивающие силы и механизмы. Как только мы обнаружим возмущающее действие,

которое отвечает этим критериям, то следующая проблема, которая встает перед нами, состоит в том, чтобы проследить влияние этого возмущения на систему и определить те условия, в которых могут быть предсказаны или (ретроспективно) объяснены новые стабильные состояния.

Такие изменения в принципе могут быть как эндогенными, так и экзогенными, или теми и другими одновременно, но при решении проблемы важно помнить, что я имею дело с понятием «социальная система» в строго аналитическом смысле. Поэтому изменения, берущие начало в личностях членов социальной системы, поведенческих организмах, «лежащих в их основаниях», или культурных системах как таковых, должны классифицироваться как экзогенные, в то время как с точки здравого смысла казалось бы, что к таким изменениям можно отнести только изменения в физической среде (включая другие организмы и общества) и, может быть, в области «сверхъестественного».

Формальная парадигма для анализа общей системы действия, которую я употреблял вместе с другими авторами, подсказывает, что, во-первых, самые важные непосредственные каналы экзогенного влияния на социальную систему находятся в культурной и личностной системах, и во-вторых, что способы их влияния различны. Непосредственное влияние культурной системы прежде всего связано с аккумуляцией эмпирического знания, а следовательно, относится к проблематике социологии знания. Как бы это ни было важно, из-за ограниченности места я не буду здесь этого касаться, а рассмотрю лишь пограничный взаимообмен между социальной системой и личностью.

Существует двойная причина, по которой граница между социальной системой и личностью является особенно важной. В самом непосредственном виде этот взаимообмен связан с «мотивацией» индивида в аналитически-психологическом смысле, а следовательно, с уровнем его «удовлетворенности» или в негативном аспекте – фрустрации. Но косвенно наиболее интересный момент состоит в том, что самый важный структурный компонент социальной системы, называемый нами институционализированными ценностями, институционализирован через его интернационализацию в личности индивида. В некотором смысле социальная система «втиснута» в пространство между культурным статусом ценностей и их значимостью для интеграции личности.

Проблема анализа независимой изменяемости культурных ценностей и личностей выходит за рамки этой статьи. Можно только предположить, что такая проблема, как харизматическая инновация, по крайней мере частично, по-

падает в эту рубрику. Однако, исходя из наличия относительной стабильности личности и культуры, мы можем предположить, что в личности типичного индивида есть нечто, что мы можем назвать интегрированным единством ценностных и мотивационных установок (commitments), рассматриваемое как стабильное, и что это единство, в свою очередь, может считаться определяющим фактором ориентационного компонента любой роли, т. е. совокупности ожиданий соответствующих классов индивидуальных деятелей. Это истинно как при анализе целого общества, так и при анализе его подсистем. Из этого вытекает, что для целей анализа конкретного процесса изменения институционализированные ценности должны рассматриваться как постоянные.

Я также исхожу из того, что структура нормативных стандартов, которая определяет отношение класса действующих единиц к объектам своей ситуации, также является изначально заданной, но в то же время эта структура является и первой независимой переменной. Поэтому проблема состоит в том, чтобы объяснить процессы изменения в этой нормативной структуре, в институтах. Таким образом, модальности объектов выступают как области зарождения изменения. Поэтому я буду постулировать изменения в отношении социальной системы к ее окружению, которое сначала выражается в изменении определения ситуации одним или несколькими классами действующих внутри единиц и которое затем начинает оказывать давление на нормативные институциональные стандарты в сторону их изменения. Этот описываемый мной тип давления связан с дифференциацией.

Модель дифференциации

Имея в виду эти предварительные замечания, попытаемся очертить в самых общих терминах основные этапы цикла дифференциации, а затем проанализировать выделение производственных коллективов из семейно-хозяйственных ячеек.

Мы можем начать с постулирования недостаточности вклада в область достижения цели социальной системы, претерпевающей процесс дифференциации. Примером такой системы и служит недифференцированная семья, которая одновременно выполняет и производственную функцию. С функциональной точки зрения можно сказать, что «фрустрация» ее способностей в достижении целей или исполнения связанных с ней экспектаций, может концентрировать-

ся на одном из двух важных для нее уровней; либо на уровне ее производства, либо на уровне эффективности в исполнении того, что позже станет функцией «резидуальной» семьи, а именно, функции социализации и регуляции личностей-членов. Во-вторых, это касается границы между семьей и другими подсистемами в обществе. Важными пограничными понятиями являются здесь понятия рынков труда и товара, а также понятие идеологического «обоснования» позиции данной единицы в обществе, которое может принимать или не принимать религиозную окраску. Но за всем этим также стоит проблема вклада личности в социальную систему на более общем уровне; в данном случае, это, очевидно, будет носить особенно важный характер, потому что в семейных и профессиональных ролях для взрослой личности сосредоточены наиболее важные обязательства при исполнении социальной функции. В-третьих, имеет место некоторое равновесие между этими двумя компонентами фрустрации, а именно, между фрустрацией в отношении средств и вознаграждений (связанных с производственной функцией) и фрустрацией в связи с нормативными аспектами экспектационных систем (связанных с функцией социализации индивидов). Этот последний компонент является совершенно необходимым условием процесса, ведущего к дифференциации.

Сложность этих трех различий может показаться непреодолимой, хотя на самом деле трудности не столь уж велики. Третье различие наиболее важно, поскольку здесь речь идет о нормативном компоненте. Остальные два различия связаны с экзогенными и эндогенными источниками изменения в системе: личности в ролях в определенной социальной системе действуют «прямо» на систему, а не через свои взаимодействия с другими социальными системами.

Самый важный пункт состоит здесь в том, каковы бы ни были источники возмущения, если оно касается подсистемы достижения цели социальной системы, то его результаты сначала сказываются в двух направлениях. Одно из них связано с функциональной проблемой доступа к средствам, позволяющим выполнять первичные функции, а именно, с проблемой того, какие средства доступны и при каких условиях они оказываются пригодными. Другое направление касается того вида интегративной поддержки, которую получает данная единица внутри системы, в том смысле, в каком мы говорим, что кто-то «имеет мандат» для совершения какого-то дела. За всем этим на более высоком уровне контроля стоит «общая легитимизация» функционирования единиц. Поддержка

в этом случае может быть определена как конкретизированная для каждой единицы или класса единиц легитимизация. Напротив, легитимизация относится больше к функциям, чем к единицам, и к нормативным стандартам больше, чем к оперативным правилам.

Эти три проблемы увязываются в иерархии контроля. Первой является проблема адаптации, и она должна быть решена прежде всего, если мы хотим, чтобы были созданы предпосылки для решения остальных. То, что подразумевается под «решением» на более низком уровне, при функционировании на более высоком уровне выполняет роль условия. Условие в таком понимании всегда представляет из себя двойственное образование в том смысле, что для одного уровня оно выступает как ресурс (в кибернетическом смысле), а для другого как нормативно контролирующий «механизм» или стандарт.

Здесь следует внести другое известное социологическое понятие, а именно «аскрипция». Аскрипция – это по существу сплав независимых функций в одной и той же структурной единице. С этой точки зрения дифференциация является процессом «освобождения» от аскриптивных связей. В таком понимании это процесс достижения «свободы» от определенных ограничений. Но это также процесс включения в нормативный порядок, который может подчинить ставшие теперь независимыми единицы определенному типу нормативного контроля, совместимого с функциональными требованиями более широкой системы, частью которой они являются. Однако при дифференциации единица получает определенную степень свободы выбора и действия, то было невозможно раньше. Это верно всегда, какая бы из частей, получивших в результате деления, ни рассматривалась нами...

Давайте теперь обратимся ко второму вопросу – поддержке исполнения функции. В этом контексте занятие сельскохозяйственным трудом рассматривается скорее как «способ жизни», а не «бизнес». Переход к специализированному наемному труду оправдывается более высоким уровнем эффективности такой организации, обеспечивая более высокий уровень жизни, но в то же время является и проблематичным, поскольку предполагает потерю «независимости» и утрату ощущения себя как самостоятельного хозяина. С другой стороны, возникает проблема потери семьей ее функций, состоящая в том, что дифференцировавшаяся семья больше не «совершает полезной работы», а превращается просто в потребительскую единицу; этот вопрос особенно часто встает в связи с якобы имеющим место перемещением роли женщины исключительно

в сферу «досуга». Мы можем разобрать этот вопрос в терминах степеней свободы, стараясь при этом тщательно различать два уровня, упомянутые выше как поддержка и легитимизация.

Проблема, для решения которой я обращаюсь к контексту «поддержки», есть проблема позиции семьи в глазах местного общественного мнения». Поддержка этой семьи зиждется на представлении о том, что приемлемый статус в общине связан с наличием «собственного дела», со всеми ассоциациями, возникающими по поводу понятия собственности, согласно которым человек, работающий по найму, принадлежит к гражданам второго сорта. Подобно тому, как в контексте средств жизни, доступных для дифференцированных единиц, релевантной системой координат или «референтной группой» является рынок, как трудовой, так и потребительский, в контексте «поддержки» системой координат служит местная община, поскольку место жительства и место работы типичного взрослого находятся в ее пределах. В дифференцированном случае основная структура местной общины в Америке состоит из родственных собственнических единиц – прежде всего из фермерских семей, хотя тот же структурный принцип распространяется как на мелкий бизнес, так и на свободные профессии в небольших городах. В дифференцированном случае такими основными структурами выступают, с одной стороны, группы совместно проживающих родственников, а с другой стороны, нанимательские организации, предоставляющие работу.

Поскольку основные «цели» этих родственных единиц как таковых являются аскриптивными, а именно – состоят в социализации детей и в регулировании личностных проблем своих членов – то община в результате такой дифференциации приобретает все возрастающую свободу в виде новых уровней и новых возможностей и в «производственных» достижениях, которые возможны на более высоком уровне организации и не возможны в пределах родственных единиц. Для получения всех необходимых ей благ типовая семья не нуждается более в обращении к другим единицам той же структуры, что раньше держало ее в рамках, накладываемых этой структурой, а члены общины могут обеспечивать функции общины как в семейной, так в производственной сферах без того, чтобы находиться в аскриптивных связях относительно друг друга.

Однако это становится возможным только при наличии механизмов, регулирующих условия, которыми эти две категории функций связаны друг с дру-

гом. Частично это делается за счет рыночных отношений. Но сюда же относятся и другие вещи, такие, как обязательства по поддержанию совместных интересов общины как через налогообложение, так и через добровольные каналы. Здесь уже должны быть новые «правила игры», в соответствии с которыми оба ряда действующих единиц могут жить в одной общине без возникновения чрезмерных трений. Центр этих уравнивающих институтов лежит в основном в сфере стратификации, возможно, прежде всего потому, что более крупные масштабы организаций производственных единиц при дифференциации делают невозможным сохранение основы равенства семейных единиц, имевшего место внутри семейно-фермерской общины.

Это ведет к проблеме легитимизации, состоящей в обосновании или в политическом отношении с точки зрения институционализированных ценностей данной системы к основной структуре организации социально важных функций. Здесь проблема состоит в том, чтобы очистить формулу легитимизации от организационных частных менее дифференцированной ситуации. Эти задачи явно принадлежат сфере идеологии. Для того чтобы дифференциация была легитимизирована, нужно сломать веру в то, что только «собственники» относятся к категории «ответственных граждан, или в то, что организации, не контролируемые родственными единицами, пользующимися в местной общине высоким престижем, обязательно преследуют «эгоистический интерес» и не приносят «общественной пользы». С другой стороны, необходимо внедрить в сознание, что семья с «утраченными функциями» может тем не менее оставаться «хорошей семьей».

Возможно, что наиболее важным в новой легитимизации является новая концепция адекватного, социально желаемого человека, особенно в его двух дифференцированных сферах действия и ответственности – в его профессиональной роли и в его семье. Ясно, что в таком случае возникают крайне важные проблемы изменения в роли женщины. Первая стадия этого изменения касается, вероятно, идеологической легитимизации более дифференцированной роли женщина, чем это было раньше, а именно, в обосновании того, что в семье, которая утратила производственные функции, женщина вправе целиком посвящать себя мужу и детям. Вторая фаза включает в себя различные формы участия в жизни общины и профессиональную деятельность женщины.

Вот те три контекста, в которых должно сказаться непосредственное воздействие движущих сил структурного изменения, если в результате происходит

дифференциация первоначально слитой структуры. Для полноты следовало бы упомянуть другие, более косвенные проблемные сферы. Одна из них – проблема содержания потребительских вкусов, связанная с изменением жизненного уровня и его отношения к профессиональному вкладу получателя дохода. Вторая проблема – отношение ценностей на различных уровнях конкретизации не только к непосредственным проблемам легитимизации различных классов структурных единиц в системе, но и к более общим нормам и стандартам, которые регулируют их отношения. Наконец, косвенно относящейся сюда проблемой является то, что Дюркгейм называл органической солидарностью. Я интерпретирую ее как нормативную регуляцию адаптивных процессов и механизмов. Как мне представляется, это и есть главное связующее звено между тем, что я назвал поддержкой, с одной стороны, и реалистической игрой «интересов» различных единиц, с другой.

Все это изложение весьма бегло касалось различных «функциональных» контекстов, в которых должна иметь место некоторая реорганизация, если процессу дифференциации в том виде, как он нами был определен, суждено завершиться и стабилизироваться в новой структуре. Существенным для такой точки зрения является то, что каждый из таких контекстов предлагает сложный баланс отношений входа-выхода так, что слишком большое нарушение равновесия в одном из направлений может привести к срыву дифференциации. Головоломная сложность нарисованной нами картины несколько упрощается, если учитывать иерархию контроля и, следовательно, тот факт, что твердое установление «надлежащих» стандартов на более высоких уровнях дает возможность осуществления контроля над довольно широким диапазоном изменений нижестоящего уровня.

Последствия дифференциации

В выводе мне хотелось бы попытаться суммировать некоторые из основных условий успешной дифференциации, которые также в каком-то смысле являются характеристиками ее исхода в определенных отношениях. Первое из условий является тем, что я называю фактором благоприятной возможности. Это такой аспект структуры ситуации, который самым непосредственным образом относится к процессу дифференциации как таковому. Протекание процесса, конечно, предполагает наличие фактора потребности или спроса, т. е. того ис-

точника возмущения, о котором упоминалось выше. Осуществление процесса дифференциации предполагает в свою очередь фактор руководства в смысле некоторой ответственности отдельного лица или группы не только за «рутинное» управление, но и за реорганизацию. Характерным примером здесь может служить фигура предпринимателя так, как она представляется в экономической науке.

Но для полной дифференциации должен существовать некоторый процесс, при помощи которого средства, ранее приписанные менее дифференцированным единицам, освобождаются от этой предписанности. Благодаря соответствующим адаптивным механизмам они становятся доступными для использования вновь, возникающими классами единиц более высокого порядка. Примером таких средств для процесса, рассмотренного выше, могут служить трудовые услуги освобожденные от приписанности в хозяйственно-семейной ячейке и ставшие доступными для нанимающих организаций при институциональной регуляции по правилам рыночной системы и институционализированных отношений контракта. Этому должна, разумеется, сопутствовать доступность для резидуальных домашних ячеек (лишенных собственного хозяйства) необходимых средств, полученных от реализации заработанных денег на рынке потребительских товаров. Следовательно, в структурных терминах фактор благоприятной возможности выглядит как возможность институционализации взаимного доступа к средствам, в данном случае, через рыночные механизмы.

Второе основное содержание структурной реорганизации относится к тому способу, при помощи которого два новых и различных класса единиц связываются друг с другом в более широкую систему в первую очередь с точки зрения структуры коллектива. В случае с производящим хозяйством речь идет, я полагаю, о перестройке местной общины. Последняя не может быть больше агрегатом родственных единиц, владеющих собственностью и дополняемых лишь несколькими структурами, связывающими ее с более широким обществом, а организуется вокруг взаимоотношений между ячейками «дома» и ячейками, «дающими работу». Это, конечно, влечет за собой кристаллизацию самых важных дифференцированных ролей в одном и том же индивиде. В первую очередь это касается типичного взрослого мужчины.

Все это может быть названо переструктурированием способов, при помощи которых отдельная единица – коллектив или роль – включаются в более упорядоченные коллективные структуры в данном обществе. Поскольку любая

первичная коллективная единица (или ролевая единица) является частью общества, вопрос о ее включении не может быть подвергнут сомнению; напротив, адсорбция иммигрантской родственной группы во враждебном обществе относится совершенно к другой проблеме, чем та, которая обсуждается. Главное здесь стоит в том, что коллективы должны быть переструктурированы на уровне непосредственно более высоком, чем уровень изначальной единицы, на которой происходит объединение как старой резидуальной единицы, так и новой. во вновь созданную единицу более высокого порядка, или создание новой категории таких единиц. Существо дела состоит в том, что должна быть установлена новая коллективная структура, внутри которой оба типа единиц выполняют существенные функции и во имя которой они обе могут пользоваться той «поддержкой», о которой говорилось раньше. Эта проблема с особой остротой встает при возникновении новых единиц или их классов.

Третий контекст, в котором в ходе процесса дифференциации должны быть реорганизованы нормативные компоненты структуры, состоит в том, что создаются обобщенные комплексы институционализированных норм, применимых не к одной структуре коллектива, а ко многим. Для крупномасштабных и высоко дифференцированных социальных систем примером является система юридических норм, но не только она. Стандарты исполнения или достижения, техническая адекватность и т. п. также включается сюда.

В примерах, которыми мы пользовались для иллюстрации, особенно важными являются стандарты, на основе которых легитимизируются нанимающие коллективы. Здесь важно выделить две различные стадии, сменяющие собственническую ячейку, служившую для нас точкой отсчета, т. е. ту ячейку, в которой все производственные роли выполнялись членами семьи. На следующем этапе обычно появляется «семейная фирма», в которой все менеджеральные и предпринимательские роли еще основаны на родственных связях, а роли «рабочих» уже нет. Такого рода организации еще распространены в «мелко-собственническом» секторе американской экономики, а также и в некоторых других областях. Но на следующем этапе происходит полное высвобождение от уз родства. Самым важным юридическим результатом этого развития было появление идеи обобщенной корпорации и ее легитимизации во многих областях. главным образом, конечно, в сфере экономики.

На ролевом уровне можно привести пример того, как институционализируются стандарты компетентности в качестве определяющих условий найма в различных классах ролей. За этими стандартами, в свою очередь, стоят уровни образования. Эти стандарты, подобно юридическим нормам, не зависят от каких-либо партикуляристских ориентаций нанимающих коллективов или родственных групп. Именно в данном смысле эти стандарты являются универсалистическими. Правила корпоративной организации определяют виды вещей, которые отдельные организованные группы могут производить, и виды ответственности, которую они несут на это; стандарты образования определяют формальные требования на право занятия различных видов должностей, а следовательно, как виды открытых для данного класса индивидов возможностей для занятия тех или иных постов, так и меры ограничения этих возможностей.

Выше был выдвинуто предположение, что процесс дифференциации в том значении, которое мы придаем этому термину, предполагает появление единицы, выполняющей функции более высокого порядка, если оценивать их с точки зрения системы, внутри которой эта единица действует, нежели функции прежней единицы, из которой она дифференцировалась. Если это так, то нормы, управляющие выполнением этой функции, включая отношения ее исполнителей к другим единицам в социальной структуре, должны быть более обобщенными, чем прежде. Именно это имеется в виду, когда мы говорим, что они становятся более универсалистическими; они определяют стандарты, которые не могут относиться только к прежним функциям более низкого порядка и к выполняющим их единицам. Этот универсалистический критерий связан с высвобождением ресурсов из системы жесткого предписания. Примером может служить компетентность как характеристика, необходимая для занятия роли, совершенно не связанной с родством. Таким образом, мы можем говорить о повышении и усложнении (*upgrading*) стандартов нормативного контроля в более дифференцированной системе по сравнению с менее дифференцированной.

Предыдущее изложение основывалось на определенной предпосылке, а именно, что ценностный стандарт системы, лежащий в ее основании, в ходе дифференциации остается неизменным. Однако отсюда не следует, что ценности не претерпевают никаких изменений. Одно из основных положений концептуальной схемы, использованной здесь, гласит, что в каждой социальной системе в качестве высшего уровня структуры существует система ценностей.

Эти ценности заключают в себе определения с точки зрения ее членов (если ценностная система институционализована) желательности того или иного типа системы на уровне, независимом от внутренней структурной дифференциации или частностей ситуации. Эта «система» ценностей включает как свою характеристику в терминах стандартных переменных, так и элемент содержания, а именно, определение того, с каким типом системы эти стандартные переменные соотносятся. В разбираемом нами случае имеются как ценности семьи, так и ценности нанимающих производственных ячеек. В терминах стандартных переменных они могут быть одинаковыми, т. е. включать в себя общий для всех американцев стандарт «инструментального активизма». Но когда эти ценности действуют в каждом из этих двух типов ячеек в отдельности, то они конкретизируются по отношению к каждому из типов функций, а не к их частностям.

Если мы говорим, что произошла дифференциация, то это значит, что ценности новой системы, включающей в себе как новые, так и резидуальные единицы, отличаются по содержанию от ценностей первоначальной единицы, хотя их характеристика в терминах стандартной переменной может оставаться неизменной. Эти новые ценности должны быть более обобщенными в том смысле, что они могут легитимизировать функции обеих дифференцированных единиц в единой формуле, которая позволяет каждой из них делать то, что она делает, и, что столь же существенно, не делать того, чем заняты другие. Трудность институционализации более обобщенных ценностей видна хотя бы из широкого распространения того, что мы называем романтическими идеологиями, бездоказательными утверждениями того, что «утрата функций» совершенно неизбежна для старой единицы после дифференциации и является свидетельством неудачи реализации системы ценностного стандарта. Например, новая зависимость домашнего хозяйства от заработка в системе найма часто интерпретируется как утрата чувства независимости существования. Это, конечно, идеология, но как таковая она свидетельствует о неполной институционализации переструктурированных ценностей.

Отношение между ценностями более высокой социальной системы и ценностями дифференцированных подсистем может быть названо отношением конкретизации при низведении обобщенного стандарта более широкой системы на «уровень» подсистемы с учетом ограничений, накладываемых на последний функцией и ситуацией. Так, предпринимательская фирма руководствуется ценностью «экономической рациональности», выражающейся в производительнос-

ти и платежеспособности, и уделяет значительно меньше внимания более широкой системе ценностей, чем это делала недифференцированная производственно-семейная ячейка. Что касается семьи, то она в экономическом аспекте своего существования теперь следует ценности «потребления».

Все вышесказанное способно наметить всего лишь несколько ориентиров в этой весьма сложной и проблематичной сфере. В статье я касался только одного аспекта теории социального изменения. Я вынужден был ограничиться абстракциями, почти не обращаясь к эмпирическим примерам. Однако мне кажется, что вывод о принципиальной решаемости этих проблем в эмпирико-теоретических терминах был бы оправданным. Более того, в нашем распоряжении имеется достаточно разработанная концептуальная схема, которая, по крайней мере, на уровне категориализации и постановки проблем приближается к типу логически закрытой системы, что делает возможным систематический анализ взаимозависимостей. Мы можем определить основные диапазоны переменных, важных с точки зрения эмпирического анализа, и основные механизмы, при помощи которых эти изменения значений переменных отражаются в системе. Мы можем определить степень предполагаемых дефицитов и излишков на входах и выходах и в отдельных случаях весьма точно определить те пороговые значения, за пределами которых равновесие окажется расстроеным.

Примечания

1. Эта терминология использована в статье «Еще раз о стандартных переменных», ASR, XXV, 1960, August.

2. Это определение является нормативным для действующих единиц, но экзистенциальным для наблюдателей. Здесь деятель поставлен в положение наблюдателя своей собственной ситуации действия, т. е. рассматривается как потенциально «рациональный».

3. Очевидно, наиболее серьезным источником конфликта в ООН являются идеологические различия между западными и коммунистическими странами в определении природы этой организации и международного порядка, на страже которого она стоит. Коммунисты вешают ярлык «империализма» и «колониализма» на все, что так или иначе не входит в их сферу контроля. Если это положение верно, то ООН не исполняет своих функций.

КОНЦЕПЦИИ МИКРОВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В центре внимания концепций микровзаимодействия оказываются межличностные отношения между отдельными людьми (так называемый микроуровень). В рамках этого подхода существуют разные направления, в том числе: прагматическое (Джордж Хоманс [18], Петер Блау [3]), символический интеракционизм (Герберт Блумер [4], Норман Дензин [13]), феноменология или этнометодология (Альфред Шютц [24], Гарольд Гарфинкель [15]). К числу представителей концепции микровзаимодействия можно отнести также Эрвина Гофмана [17], который не примыкает ни к одному из вышеперечисленных направлений.

В основе концепций микровзаимодействия лежат идеи Ч. Кули, Дж. Г. Мид, М. Вебера, Э. Гуссерля.

Теоретики концепций микровзаимодействия сосредотачиваются на микроуровне общественной жизни и не считают, что общества существуют независимо от восприятия и поведения его членов. Общественная жизнь и все элементы общества являются продуктом, результатом взаимодействия, а не его источником или причиной.

В Хрестоматии представлена работа Г. Блумера [4], в которой обобщается, что «я» человека формируется посредством обмена значимыми символами с другими индивидами или с самим собой. В этой работе ясным и понятным языком излагаются основные положения символического интеракционизма.

Герберт Блумер

Символический интеракционизм

(Из книги: Blumer, Herbert. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1969)

Символический интеракционизм основывается на трех простых посылах. Первая из них заключается в том, что люди относятся к вещам в соответствии с тем, что они для них значат. Вещи в таком понимании включают все, что человек может заметить в своем мире – физические объекты, такие, например, как деревья или стулья; другие люди, например, мама или конторский служащий; различные типы людей, такие как друзья или враги; социальные институты, такие как школа или правительство; жизненные идеалы, такие как личная независимость или честность; деятельность других людей, как, например, просьба или требование; а также такого рода ситуации как личные контакты в повседневной жизни. Вторая посылка состоит в том, что значение этих вещей вытекает или возникает из социального взаимодействия, которое происходит между человеком и его знакомыми. Третья посылка заключается в том, что все эти значения закрепляются и преобразуются в ходе процесса интерпретации, который человек осуществляет, имея дело с окружающими его вещами. Я бы хотел кратко остановиться на каждой из этих трех фундаментальных посылок.

Вероятно, некоторые ученые могли бы увидеть что-нибудь ошибочное в первой посылке, в частности то, что люди действуют по отношению к вещам на основе значений, которые эти вещи имеют для них. Однако, весьма странно, что этот простой взгляд игнорируется или преуменьшается практически всеми учеными, имеющими отношение к современной общественной и психологической науке. Значение либо берется на веру и, следовательно, выходит из сферы внимания как что-то неважное, либо просто рассматривается как нейтральная связь между факторами, влияющими на человеческое поведение и самим поведением, как результатом действия этих факторов. Сегодня мы ясно это видим в доминирующих направлениях психологической и социальной наук. Как в той, так и в другой науке существует тенденция рассматривать человеческое поведение как результат деятельности различных факторов, которые воздействуют на людей. Так, психологи обратились к таким факторам как стимулы, отноше-

ния, сознательные или бессознательные мотивы, различные виды психологических сигналов, восприятие и познание, различные черты внутренней личностной организации, позволяющие объяснить конкретные формы или проявления человеческого поведения. Подобным образом социологи опираются на такие факторы, как социальная позиция, статусные потребности, социальные роли, культурные предписания, нормы и ценности, социальное давление, принадлежность к группе для того, чтобы обеспечить такое же объяснение. Типичные психологический и социологический подходы либо игнорируют значения вещей для человека, либо включают их в общее число факторов, влияющих на поведение человека. Если заявляется, что данные виды поведения являются результатом особых факторов, которые вызывает это поведение, то нет необходимости брать во внимание значение вещи, по отношению к которой совершается человеческое действие; тем самым просто отождествляются иницирующие факторы и конечное поведение. Если кто-либо, под давлением обстоятельств пытается использовать понятие «значение», поместив его среди иницирующих факторов, или рассматривая его как нейтральную связь между иницирующими факторами и поведением, то они создают лишь видимость использования этого понятия. В первом из этих двух случаев понятие значения исчезает, смешиваясь с иницирующими или причинными факторами; во втором случае «значение» становится простой соединяющей связью, которую можно проигнорировать в пользу иницирующих факторов.

Символический интеракционизм, напротив, считает, что значения вещей для человеческого существования являются важными сами по себе. Игнорировать значения вещей, с которыми люди имеют дело – значит фальсифицировать поведение в процессе исследования. Обходить понятие значения в пользу факторов будто бы вызывающих поведение – это серьезное пренебрежение роли «значения» в формировании поведения.

Простая посылка, состоящая в том, что люди действуют в отношении вещей на основе значения, придаваемого этим вещам, сама по себе слишком проста, чтобы выделить специфику символического интеракционизма, так как некоторые другие подходы тоже разделяют эту посылку. Главное различие между символическим интеракционизмом и другими подходами – во второй посылке, которая касается происхождения «значения». Существуют два хорошо известных традиционных пути для объяснения происхождения «значения». Один из них рассматривает значение как внутренне присущее самой вещи, как естест-

венную часть вещи. Так, стул есть просто стул сам по себе, корова есть корова, облако это облако, восстание это восстание и так далее. Значение, будучи внутренне присущим вещи, необходимо просто отделить от объективно наблюдаемой вещи, имеющей значение. Значение проистекает, так сказать, из самой вещи и, как таковое, не нуждается в процессе его формирования; все, что необходимо – это признать значение в самой вещи. Совершенно очевидно, что этот взгляд отражает традиционную позицию «реализма» в философии – позицию, которая широко распространилась и глубоко укоренилась в социальной и психологической науках. Другой основной традиционный взгляд рассматривает «значение» как психическое приращение, привносимое человеком в вещь, имеющую для него значение. Это психическое приращение трактуется как проявление существенных составных элементов человеческой психики, сознания или психической организации. Существенные составные элементы – это такие явления как ощущения, чувства, идеи, память, мотивы и отношения. Значение вещи есть ни что иное как выражение данных психологических элементов, приводимых в действие в связи с восприятием вещи; таким образом, делается попытка объяснить значение вещи через выделение конкретных психологических элементов, создающих значение. Как в древней, так и в классической психологической практике анализ значения объекта отождествлялся с ощущениями, приводимыми в действие восприятием данного объекта. В современной психологической практике выявление значения явления, например, такого, как проституция, относится, прежде всего, к человеку, который наблюдает это явление. Это сведение значения вещей к психологическим элементам ограничивает процесс формирования значения процессами возбуждения и привлечения психологических элементов, производящих это значение. Такие процессы являются психологическими по своей природе и включают восприятие, познание, подавление, передачу чувств и связь понятий.

Символический интеракционизм, в отличие от двух только что изложенных доминирующих позиций полагает, что значение имеет другое происхождение. Он не рассматривает значение как проистекающее из внутренней сущности вещи, имеющей значение, или как возникновение нового явления путем объединения психологических элементов человека. Вместо этого, он исходит из того, что значение появляется в процессе взаимодействия между людьми. Значение вещи для человека проистекает из того, каким образом другие люди относятся к процессу взаимодействия «человек-вещь». Их действия состоят

в том, чтобы определить, что значит вещь для человека. Таким образом, символический интеракционизм рассматривает значение как результат, социальный продукт, сформированный в процессе деятельности людей и через деятельность. Эта точка зрения придает символическому интеракционизму очень характерную позицию, аргументы и выводы в пользу которой будут предложены для обсуждения.

Третья посылка, упомянутая выше, проявляет дополнительные отличия символического интеракционизма. В то время как значение вещи формируется в контексте социального взаимодействия и устанавливается человеком через эти взаимодействия, было бы ошибкой думать, что использование значения человеком есть ни что иное, как применение значения, полученного в результате социального взаимодействия. Эта ошибка серьезно мешает работе многих ученых, которые по-своему трактуют концепцию символического интеракционизма. Они не сумели увидеть, что использование значения личностью в ее деятельности включает в себя процесс интерпретации. В этом отношении они близки к сторонникам двух доминирующих взглядов, о которых говорилось выше – тех, кто помещает значение в саму вещь, и тех, кто рассматривает значение в качестве выражения психологических элементов. Все три подхода – подобны при рассмотрении того, как человек в своих действиях использует значение; все три не могут увидеть, что использование «значения» субъектом деятельности происходит через процесс интерпретации.

Этот процесс имеет два отдельных этапа. Первый из них состоит в том, что субъект деятельности определяет для себя круг вещей, по отношению к которым он действует; он выделяет для себя вещи, которые для него имеют значение. Создание индикаторов, показывающих, какие вещи имеют для человека значение, а какие нет – внутренний социальный процесс, в котором субъект деятельности взаимодействует сам с собой. Это взаимодействие с самим собой есть что-то другое, чем взаимосвязь психологических элементов; это пример того, как человек вовлекается в процесс коммуникации с самим собой. На втором этапе интерпретация под воздействием процесса коммуникации с самим собой превращается в механизм управления значениями вещей. Субъект деятельности выбирает, проверяет, исключает, перегруппировывает и трансформирует значения в свете ситуации, в которой он находится и в соответствии со своими целями. Соответственно, интерпретация не должна рассматриваться просто как автоматическое применение установленных значений, но как сози-

дательный процесс, в котором значения используются и изменяются как инструменты для управления действиями человека. Необходимо заметить, что значения играют свою роль в действии через процесс взаимодействия последнего с самим собой.

Моей целью не является подробное обсуждение достоинств трех точек зрения, которые помещают «значение» соответственно в вещь, в психику и в социальное действие. Моей целью не является также обоснование утверждения, что субъект управляет значениями вещей в ходе осуществления своих действий. Вместо этого, я хочу просто заметить, что, будучи основанным на трех указанных ранее посылах, символический интеракционизм с неизбежностью ведет к построению аналитической схемы человеческого общества и схемы человеческого поведения, что не одно и то же. Это та схема, которую я хотел бы сейчас обрисовать в общих чертах.

Символический интеракционизм базируется на ряде общих идей, или «корневых образах», как я предпочитаю их называть. Эти корневые образы описывают природу следующих явлений: человеческих групп или обществ, социального взаимодействия, объектов, человека как деятельности, человеческое действие и взаимосвязь элементов человеческой деятельности. Взятые вместе, эти корневые образы представляют способ, с помощью которого символический интеракционизм обозревает человеческое общество и поведение. Они образуют основу для изучения и анализа общества и поведения человека. Позвольте мне кратко описать каждый из этих корневых образов.

Природа человеческого общества или жизнь человеческих групп

Человеческие группы состоят из людей, вовлеченных в деятельность. Деятельность состоит из многообразных действий, которые индивиды выполняют в своей жизни, когда они встречаются друг друга и когда они имеют дело с непрерывным рядом ситуаций, встречающихся им на пути. Индивиды могут действовать по одиночке, могут действовать совместно, наконец, они могут действовать от имени или как представители некоторых организаций или других групп людей. Деятельность присуща действующим индивидам и осуществляется ими всегда в зависимости от ситуации, в которой они действуют. Смысл этой простой и по сути излишней характеристики заключается в том,

что в основе своей человеческие группы или общество *могут существовать только в деятельности*, и, соответственно, могут быть описаны только в терминах деятельности. Эта картина человеческого общества как деятельности должна стать отправной точкой (и точкой возврата) для любой схемы, которая эмпирически трактует и анализирует человеческое общество. Концептуальные схемы, которые рассматривают общество несколько иначе, также исходят из того, что жизнь группы людей – это совокупность их действий и поступков. Это верно для двух доминирующих в современной социологии концепций общества – концепции культуры и концепции социальной структуры. Культура как понятие вне зависимости от того, определяется она как обычай, традиция, норма, ценность, правила или что-то подобное, со всей очевидностью является следствием деятельности людей. Подобным же образом социальная структура в любом из своих аспектов, выраженных такими терминами, как социальная позиция, статус, роль, власть, престиж, предстает в качестве человеческих отношений, которые зависят от характера взаимодействия людей друг с другом. Жизнь любого человеческого общества с необходимостью состоит из непрерывающегося процесса совместной деятельности его членов. Именно эта деятельность порождает структуру или организацию. Главный принцип символического интеракционизма состоит в том, что любая претендующая на объяснение непосредственной реальности схема человеческого общества, от кого бы она не исходила, должна принимать тот факт, что от начала и до конца человеческое общество состоит из людей, вовлеченных в деятельность. Для того, чтобы быть эмпирически валидной, схема должна быть соотнесена с природой социальной деятельности людей.

Природа социального взаимодействия

Жизнь группы обязательно предполагает взаимодействие между ее членами, или выражаясь иначе, общество состоит из индивидов взаимодействующих друг с другом. Действия членов группы – это преимущественно реакция на действия друг друга или на отношения друг к другу. Несмотря на то, что эта идея содержится почти во всех определениях человеческого общества, социальное взаимодействие обычно рассматривается как нечто изначально данное и ему не придается или почти не придается должного значения. Это очевидно для типичных социальных и психологических подходов – они трак-

туют социальное взаимодействие просто как связующее звено, посредством которого детерминанты поведения формируют поведение. Таким образом, типичный социологический подход полагает, что поведение зависит от таких факторов как статусная позиция, культурные предписания, нормы, ценности, санкции, ролевые требования, потребности социальной системы. Объяснение поведения через такие факторы считается достаточным без учета собственно социального взаимодействия.

Подобным образом, типичный психологический подход для объяснения поведения использует такие факторы как мотивы, позиции, скрытые комплексы, элементы психологической организации и психологические процессы опять же без учета социального взаимодействия. Им кажется, что поведение есть непосредственное следствие этих факторов. В таком контексте социальное взаимодействие становится просто связующим звеном, через которое социологические или психологические факторы влияют на человеческое поведение. Я могу добавить, что это игнорирование социального взаимодействия некорректно, когда мы говорим о взаимодействии социальных элементов (когда социолог упоминает о взаимодействии социальных ролей или взаимодействии между компонентами социальной системы) или взаимодействии психологических элементов (когда психолог упоминает о взаимодействии между позициями, занимаемыми различными индивидами). Социальное взаимодействие – это взаимодействие между самими субъектами, а не между факторами, лежащими в основе их деятельности.

Символический интеракционизм не просто совершает церемониальные поклоны социальному взаимодействию. Он признает существенную значимость самого социального взаимодействия. Эта значимость заключается в том, что социальное взаимодействие представляет собой процесс, который *формирует* человеческое поведение, а не выступает простым средством или формой выражения человеческого поведения. Говоря проще, люди, взаимодействуя друг с другом, вынуждены считаться с поступками или намерениями других людей; они вынуждены управлять своим собственным поведением или ориентироваться в ситуациях в соответствии с собственными представлениями. Таким образом, деятельность других людей следует рассматривать как безусловный фактор формирования их собственного поведения; под влиянием поступков других кто-то может отказаться от своего намерения (или замысла), пересмотреть его, приостановить или отложить, ускорить его реализацию или заменить его. Дей-

ствия одних людей влияют на планы других, могут воспрепятствовать им или затруднить их реализацию, внести в них коррективы, вызвать очень существенные отклонения от таких планов. Люди вынуждены как-то приспосабливать свои поступки к действиям других. Действия других людей должны всегда учитываться, они не могут рассматриваться просто проявление того, что люди склонны делать или намереваются сделать.

Мы в долгу перед Джорджем Гербертом Мидом за его наиболее глубокий анализ социального взаимодействия. Мид выделил две формы или два уровня социального взаимодействия в человеческом обществе. Он называет их «язык жестов» и «использование значимых символов». Я буду называть их соответственно «несимволическое взаимодействие» и «символическое взаимодействие». Несимволическое взаимодействие имеет место тогда, когда человек непосредственно откликается на действия другого без интерпретации этого действия; символическое взаимодействие включает в себя интерпретацию действия. Несимволическое взаимодействие с наибольшей ясностью проявляется в рефлекторных реакциях, как в случае с боксером, который автоматически поднимает руки, чтобы отразить удар. Однако, если боксер истолкует ожидаемый от своего оппонента удар как ложный, задуманный как ловушка для него, он будет вовлечен в символическое взаимодействие. В этом случае он будет пытаться выяснить назначение удара и то, что этот удар может означать с точки зрения планов его оппонента. В этой связи люди довольно часто вовлекаются в несимволическое взаимодействие, поскольку они автоматически реагируют на физическое перемещение других людей, на выражения, интонации голоса, но этот типичный способ взаимодействия переходит на символический уровень тогда, когда они пытаются понять значение действия другого.

Анализ Мидом символического взаимодействия является чрезвычайно важным. Он рассматривает его как представление жестов и реакцию на значения этих жестов. Жест выступает в качестве части или аспекта продолжающегося действия, и может значить больше поступка, частью которого он является. например, потрясывание кулаком как признак возможного нападения или объявление войны нацией как показатель занятой ею позиции. Такие вещи как требования, приказы, команды, намеки и заявления являются жестами, передаваемыми человеку, который распознает смысл намерений и план ожидаемых действий индивида, который преподносит эти жесты. Человек, который отвечает. формирует свой ответ на основе того, что жест значит для него; человек, кото-

рый представляет жест, выдвигает его как показатель или знак того, что он планирует сделать или что он хочет, чтобы оппонент сделал (или уяснил). Таким образом, жест имеет значение для обоих индивидов, как для того, кто его представляет, так и для того, кому он направлен. Когда жест имеет одно и то же значение для обоих, обе стороны понимают друг друга. Из этого краткого экскурса следует, что значение жеста расходится по трем линиям (триадическая природа значения по Миду). Во-первых, жест означает, что человек, к которому он направлен, получает указание, что ему делать; Во-вторых, он означает, что человек, который производит жест, планирует делать; и, в-третьих, он означает, что возникла совместная деятельность, объединяющая действия обоих. Так, для иллюстрации, команда вора его жертве поднять руки есть: а) показатель того, что жертве следует делать; б) показатель того, что вор планирует делать, а именно: освободить жертву от его денег; и в) показатель того, что совместная деятельность, в данном случае ограбление, состоялась. Если случается замешательство или недоразумение хотя бы в одной из трех линий, коммуникация становится неэффективной, взаимодействие затрудняется и формирование совместной деятельности блокируется.

Одно добавление следует сделать, чтобы подытожить анализ Мидом символического взаимодействия, а именно: то, что участники такого взаимодействия обязательно должны принять свои роли. Чтобы показать другому, что он намеревается сделать, человек должен взглянуть на себя с позиции другого; приказав жертве поднять руки, грабитель должен увидеть как его действия оценит жертва. Соответственно, жертва должна понимать, что означает приказ грабителя с его точки зрения; жертва должна понимать намерения и ожидаемые действия грабителя. Такое обоюдное ролевое соглашение является непременным условием коммуникации и эффективного символического взаимодействия.

Центральное место и важность символического взаимодействия в жизни человеческой группы очевидно. Человеческое общество или группа состоит из людей, вступающих в связь друг с другом. Такая ассоциация людей существует в форме человеческих действий, направленных друг на друга; таким образом люди вовлекаются в социальное взаимодействие. Такое взаимодействие в человеческом обществе является типичным и преобладающим на символическом уровне; действуют ли люди индивидуально, или коллективно, либо как представители какой-либо организации, они обязательно принимают в расчет действия других людей при осуществлении своих действий. Они осуществля-

ют взаимодействие как указание другим как действовать, так и через интерпретацию указаний, сделанных другими. Жизнь группы людей – это сложный процесс определения того, что другим следует делать и интерпретация того, что следует делать; через этот процесс люди приспосабливаются друг к другу, и формируют свое собственное индивидуальное поведение. Совместная деятельность людей, так же как и индивидуальное поведение формируются *в пределах и через* этот непрекращающийся процесс социального взаимодействия. Неумение принять это важное положение составляет существенный недостаток концепций, которые объясняют человеческое общество в терминах социальной организации или через психологические факторы, либо в любых возможных их сочетаниях. Достоинством символического взаимодействия является то, что жизнь человеческой группы рассматривается именно как творческий процесс, а не просто место для проявления факторов, существовавших до взаимодействия людей.

Природа объектов

Позиция символического интеракционизма состоит в том, что «миры» существующие для людей и для их групп, составлены из «объектов», и что эти объекты являются продуктами символического взаимодействия. Объект есть нечто, что может быть выделено нечто, что может что-то означать или указывать – облако, книга, законодательная власть, банкир, религиозная доктрина, привидение и так далее. В целях удобства объекты можно классифицировать по трем категориям: а) физические объекты, такие как стулья, деревья, или велосипеды; б) социальные объекты, такие как студенты, священники, президент, мать или друг; в) абстрактные объекты, такие как моральные принципы, философские доктрины, или идеи, такие как справедливость, эксплуатация, или страдание. Я повторяю, что объекты есть нечто, что может быть выделено и может что-то означать. Сущность любого объекта состоит в его значении, которое он имеет для человека, рассматривающего его в качестве объекта. Это значение определяет, как человек смотрит на объект, как он готовится действовать по отношению к нему, и как он готов говорить о нем. Объект может иметь различное значение для различных индивидов; дерево может быть различным объектом для ботаника, лесоруба, поэта и домашнего садовника; президент Соединенных Штатов может быть очень различным объектом для преданных членов

его политической партии и для членов оппозиции; члены этнической группы могут рассматриваться как различный вид объекта для членов других групп. Значения объектов для человека возникают главным образом из того, как вещи понимаются другими людьми, с которыми человек взаимодействует. Так, мы учимся понимать значения объектов через знаки других людей, что стул – это стул, что доктор – это определенный вид профессии, что конституция Соединенных Штатов – это юридический документ, и так далее. Из процесса взаимных обозначений появляются общие объекты, которые имеют одинаковое значение для данной группы людей и рассматриваются ими одинаковым образом.

Несколько важных выводов следуют из вышеприведенного рассмотрения объектов. Во-первых, мы констатируем, что разные люди по-разному видят картину окружающей среды (или обстановки). Для этих людей окружающая среда состоит *только* из объектов, которые эти люди признают и которые знают. Природа этой окружающей среды определяется тем значением, которое объекты, ее составляющие, имеют для данных людей. Индивиды, а также группы, живущие или находящиеся в одном и том же пространстве, могут иметь, соответственно, очень разную окружающую среду; как мы говорим, люди могут жить бок о бок и в то же время существовать в различных мирах. Действительно, термин «мир» больше подходит, чем слово «окружающая среда» и для обозначения окружения, специфики вещей. Это мир их объектов, с которыми люди имеют дело, и по отношению к которым они действуют. Следовательно, для того, чтобы понять деятельность людей необходимо идентифицировать мир их объектов – это важное положение, которое будет тщательно рассмотрено позже.

Во-вторых, объекты (в смысле их значения) должны рассматриваться как социальные творения, формирующиеся и появляющиеся в процессе определения и интерпретации, который происходит во время взаимодействия людей. Значения всех вещей формируются, изучаются и передаются через процесс обозначений, процесс, который с неизбежностью является социальным процессом. Жизнь человеческой группы на уровне символического взаимодействия есть сложный процесс, в котором люди формируют, поддерживают и трансформируют объекты своего мира по мере того, как они присваивают значения этим объектам. За объектами не закрепляется фиксированный статус, если не считать того, что их значения поддерживаются через знаки и определения, которые люди дают объектам. Нет ничего более ясного, чем то, что объекты всех

видов могут изменять свои значения. Звезда на небе является очень различным объектом для современного астрофизика и для пастуха в библейское время; брак был различным объектом для поздних и для ранних римлян; президент нации, который плохо проявил себя в критический момент, через некоторое время может рассматриваться совсем в другом свете для граждан его страны. Короче говоря, с позиции символического интеракционизма жизнь человеческой группы – это процесс, в котором объекты создаются, утверждаются, трансформируются и отбрасываются. Жизнь и деятельность людей с неизбежностью изменяется вместе с изменениями, которые происходят в мире их объектов.

Человек как действующий организм

Символический интеракционизм признает, что люди должны иметь особые свойства, позволяющие им вступать в социальное взаимодействие. Человек рассматривается как организм, который не только реагирует на действия других людей на несимволическом уровне, но и подает знаки другим людям, а также интерпретирует их знаки. Человек может делать это, как неоднократно показывал Мид, только благодаря обладанию «Я». В этом выражении нет никакой тайны. Оно означает только то, что человек может быть объектом своих собственных действий. Так, он может признать себя, например, в качестве мужчины, молодого по возрасту, студента, имеющего долги и пытающегося стать доктором, происходящего из самой обыкновенной семьи и так далее. Во всех этих примерах он является объектом по отношению к самому себе и руководит своими действиями по отношению к другим на основе понимания себя как особого объекта. Это представление о самом себе как объекте соответствует предшествующему рассмотрению объектов. Как и другие объекты, Я-объект появляется в процессе социального взаимодействия, в котором человек получает о себе представление посредством общения с другими людьми. В своем анализе ролевых образов Мид раскрыл сущность этого процесса. Он подчеркивал, что для того, чтобы быть объектом для самого себя, человек должен увидеть себя со стороны. Он может сделать это только поставив себя на место других людей и оценивая себя, или действуя по отношению к себе с этой позиции. Роли, которые человек принимает на себя, могут варьироваться, начиная от роли от-

дельных индивидов («стадия индивидуальной игры»), переходя к роли представителя отдельной группы («стадия совместной игры»), и кончая ролью члена абстрактного сообщества («обобщенный другой»). Принимая такие роли, человек находится в положении, при котором он обращается или относится к самому себе – как в случае, когда девочка «играет в маму», разговаривает сама с собой, как делала бы ее настоящая мама, или в случае, когда молодой священник смотрит на себя глазами священнослужителей. Мы формируем наши объекты самих себя через процесс принятия ролей. Отсюда следует, что мы воспринимаем себя через образ, в котором другие видят или выделяют нас – или, более точно, мы видим себя, принимая один из трех типов ролей, которые были упомянуты.

То, что человек формирует объект своего «Я» через представления о себе других людей, является широко признанным в современной литературе, поэтому я не буду комментировать это положение, несмотря на его огромную значимость. Еще более важно отметить, что человек имеет свое «Я», которое позволяет ему взаимодействовать с самим собой. Это взаимодействие происходит не в форме взаимодействия между двумя или несколькими частями его психической системы, например, между его потребностями, или эмоциями, или мыслями, или между «я» и «оно» по схеме Фрейда. На самом деле, это взаимодействие имеет социальный характер: это форма коммуникации между человеком (обращающимся к нему как к человеку) и отвечающей стороной (тоже человеком). Мы можем легко признать наличие такого взаимодействия, поскольку каждый из нас замечал, что он бывал зол на самого себя, или что он подстегивал самого себя для выполнения каких-либо задач, или, что он напоминал себе сделать то-то и то-то, или что он общался сам с собой, разрабатывая какой-то план действий. Как подтверждают эти примеры, взаимодействие с самим собой существует определенно как процесс, в ходе которого знаки подаются самому себе. Вся бодрствующая жизнь человека состоит из серии таких знаков, которые человек подает самому себе, знаков, которые он использует, чтобы направлять свои действия. Таким образом, человек рассматривается нами как организм, который взаимодействует сам с собой через социальный процесс подачи знаков самому себе.

Этот взгляд на человека радикально отличается от доминирующих в современной социальной и психологической науках. Преобладает точка зрения, рассматривающая человека как сложный организм, чье поведение является реакцией на воздействие факторов, имеющих значение для формирования организма. Научные школы социальных и психологических наук резко отличаются по вопросу о том, какие факторы следует считать значимыми: стимулы, побуждающие импульсы, потребности, осознанные мотивы, бессознательные мотивы, эмоции, отношения, идеи, культурные предписания, нормы, ценности, статусные требования, социальные роли, принадлежность к референтным группам. Научные школы различаются также и в том, как они рассматривают организацию человека, как вид биологической организации, вид психической организации, или вид социетальной организации, выделенной из социальной структуры группы, к которой относится человек. Тем не менее, эти школы одинаковы в рассмотрении человека как реагирующего организма, и его поведения как следствия влияния факторов, играющих роль в формировании человека или выражающих взаимосвязь сторон его структуры. Согласно этому широко распространенному взгляду, человек «социален» только в смысле принадлежности к человеческому роду, или в смысле реагирования на действия других (социальные стимулы), или будучи частью своей социальной группы.

Символический интеракционизм принципиально иначе смотрит на человека. Человек рассматривается как социальное существо в более глубоком смысле – как организм, который вовлекается в социальное взаимодействие с самим собой благодаря созданию знаков для самого себя и реагированию на такие знаки. Благодаря вовлечению во взаимодействие с самим собой человек вступает в принципиально иные отношения с его окружающей средой в отличие от отношений предполагаемых широко распространенными традиционными подходами, описанными выше. Человека нужно рассматривать не просто как организм, который реагирует на обстоятельства, но как организм, который обращает внимание только на то, что для него значимо. В этом смысле человек, вовлеченный во взаимодействие с самим собой, является не просто реагирующим, но действующим организмом, определяющим свою основную линию поведения, а не существом с безусловной реакцией на воздействие некоторых факторов, влияющих на его организацию.

Природа человеческой деятельности

Способность человека создавать знаки для самого себя придает отличный характер человеческой деятельности. Это означает, что человеческая индивидуальность противостоит миру, который она должна интерпретировать, чтобы действовать, в отличие от окружающей среды, на которую она реагирует, потому что включена в ее структуру. Человек вынужден справляться с ситуациями, в которых он призван действовать, выясняя значение действий других людей и намечая план собственных действий в свете произведенной интерпретации. Он вынужден создавать и руководить своими действиями, а не просто реагировать на влияющие на него и воздействующие через него факторы. Такая работа может быть неприятна человеку, но он вынужден ее делать.

Этот взгляд на человека, управляющего собственными действиями по созданию знаков для самого себя, резко контрастирует со взглядом на человеческую деятельность, который преобладает в современной психологической и социальной науке. Этот доминирующий взгляд, как уже упоминалось, рассматривает человеческую деятельность в качестве иницилирующего фактора или комбинации таких факторов. Деятельность выводится из таких явлений как мотивы, отношения, потребности, бессознательные комплексы, стимулы, статусные запросы, ролевые требования и ситуационные требования. Соединение деятельности с одним или большим числом иницилирующих его факторов рассматривается как выполнение научной задачи. Кроме того, такой подход игнорирует и не оставляет места для процесса взаимодействия человека с самим собой, посредством которого индивид управляет своим субъективным миром и формирует свою деятельность. Такой подход не учитывает жизненно важного процесса интерпретации, в котором индивид отмечает и определяет, что ему передают и через который он намечает линию своего поведения до ее воплощения в реальность.

По преимуществу, деятельность человека состоит из того, что он принимает в расчет различные явления, которые он отмечает и, таким образом выбирает линию поведения в зависимости от того, как он интерпретирует их. Явления, которые принимаются во внимание, включают желания и потребности человека, его цели, приемлемые средства для их достижения, действия и предполагаемые действия других людей, образ самого себя, и возможный результат данной линии поведения. Поведение человека формируется и регулируется через

этот процесс наделения значений и интерпретации. В этом процессе конкретные линии поведения могут зарождаться или прекращаться, от них можно отказаться или их можно отложить, они могут быть ограничены простым планированием, либо погружением во внутреннюю жизнь или, если проявить инициативу, они могут быть трансформированы. Моя цель не в том, чтобы анализировать этот процесс, но в том, чтобы привлечь внимание к его наличию и влиянию на формирование человеческого поведения. Мы должны признать, что деятельность людей состоит из бесконечного числа взаимодействий, в ходе которых они вынуждены действовать; при этом деятельность людей строится на основе того, на что люди обращают внимание, как они оценивают и интерпретируют то, на что обращают внимание, и какой вариант поведения они намечают. Этот процесс нельзя понять через сведение деятельности к одному из факторов (например, к мотивам, потребностям, ролевым требованиям, социальным ожиданиям или социальным нормам), т. е. понимать его как инициирование действия и доведение его до конца. Субъект может понять свою деятельность в полной мере только когда он абстрагируется от нее. Этот взгляд на человеческое поведение применим в равной мере к совместной или коллективной деятельности, в которой участвует множество людей. Совместная или коллективная деятельность образует предметную зону социологии, что можно видеть на примере поведения групп, социальных институтов, организаций и общественных классов. Такие примеры социетального поведения состоят из индивидов, приспособляющих свои линии поведения друг к другу. Такое поведение можно изучать только через его совместный или коллективный характер, но не как совокупность индивидуальных компонентов. Это поведение необходимо и возможно рассматривать и изучать в его совместном или коллективном проявлении, а не через совокупность его индивидуальных составляющих. Такое совместное поведение не теряет своих качеств, возникающих в процессе интерпретации ситуаций, в которых коллектив призван действовать. Будь этот коллектив армией, вовлеченной в военную кампанию, или корпорацией, стремящейся расширить свои коммерческие операции, или нацией, пытающейся корректировать неблагоприятный баланс торговли, во всех этих случаях необходимо вырабатывать поведение через интерпретацию того, что случается в сфере деятельности коллектива. Процесс интерпретации имеет место, когда участники подают знаки друг для друга. Совместная или коллективная деятельность является результатом такого процесса интерпретационного взаимодействия.

Резюме

Символический интеракционизм рассматривает человеческое общество как людей, вовлеченных в жизнедеятельность. Такая жизнедеятельность является процессом непрерывающейся деятельности, в которой участники развивают линии поведения в многочисленных ситуациях, с которыми они сталкиваются. Они вовлекаются в обширный процесс взаимодействия, в котором вынуждены приспосабливать свое поведение друг к другу. Этот процесс взаимодействия состоит из создания знаков для других людей, показывающих, что им нужно сделать и в интерпретации знаков, сделанных им другими. Люди живут в мире объектов и руководствуются в своей деятельности значениями этих объектов. Объекты, включая самих людей, формируются, поддерживаются, ослабляются, трансформируются в процессе взаимодействия людей друг с другом. Этот общий процесс следует, конечно же, рассматривать несколько по-разному в зависимости от того, что люди объединяются в различные группы, принадлежат к различным ассоциациям и занимают различные позиции. Они, соответственно, относятся друг к другу по-разному, живут в различных мирах, руководствуются различным набором значений. Однако, имеем ли мы дело с семьей, подростковой компанией, промышленной корпорацией или политической партией, во всех случаях можно увидеть, что деятельность коллектива формируется посредством процесса передачи знаков и их интерпретации.

Заключение

Мое заключение будет действительно кратким. И может быть выражено как простое предписание: «уважайте природу эмпирического мира и при создании методологической концепции на забывайте об этом уважении». Я думаю, это то, что символический интеракционизм стремится делать.

Литература

1. *Смелзер Н.* Социология / Пер с англ. – М.: Феникс, 1994.
2. *Томпсон Д. Л., Пристли Д.* Социология: Вводный курс / Пер. с англ. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Львов: «Инициатива», 1998.
3. *Blau, Peter M.* Exchange and Power in Social Life. N. Y.: Wiley, 1964.
4. *Blumer, Herbert.* Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1969.
5. *Collins, Randall.* Conflict Sociology: Towards an Explanatory Science, N. Y.: Academic Press, 1975.
6. *Collins, Randall.* Four Sociological Traditions. Revised and expanded edition of Three Sociological Traditions. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1994.
7. Contemporary Sociological Theories, ed. A. Wells. Santa Monica, California: Goodyear Publishing, 1978.
8. *Coser, Lewis A.* Greedy Institutions: Patterns of Undivided Commitment. N. Y.: The Free Press, 1974.
9. *Coser, Lewis A.* The Functions of Social Conflict. Glencoe, Ill: The Free Press, 1956.
10. *Cuff E. C., Sharrock W. W., Francis D. W.* Perspectives in Sociology. Third Edition. London: Unwin Hyman, 1990.
11. *Cuzzort R. P., King E. W.* Twentieth-Century Social Thought. Fourth Edition. Orlando, Florida: Holt, Rinehart and Winston, 1989.
12. *Dahrendorf, Ralf.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.
13. *Denzin, Norman K.* Symbolic Interactionism and Ethnomethodology: A proposed Synthesis // American Sociological Review, № 34, 1969.
14. Fact and Theory in Social Science, ed. E. W. Count and G. T. Bowles, N. Y., 1964.
15. *Garfinkle, Harold.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1967.

16. *Giddens, Anthony*. Sociology. Cambridge: Polity Press, 1990.
17. *Goffman, Erving*. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N. Y.: Doubleday, 1967.
18. *Homans, George*. Social Behavior: Its Elementary forms. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1974.
19. *McNall, Scott G., McNall, Sally Allen*. Sociology. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1992.
20. *Merton, Robert K.* Social Theory and Social Structure. N. Y.: The Free Press, 1962.
21. *Parsons, Talkott*. Essays in Sociological Theory. Glencoe, Ill.: Free Press, 1949.
22. *Parsons, Talkott*. Politics and Social Structure. N. Y.: The Free Press, 1959.
23. *Ritzer, George*. Sociological Theory. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1983.
24. *Schutz, Alfred*. Collected Papers II: Studies in Social Theory. The Hague: Martinus Nijhoff, 1964.
25. Social Change, ed. A. Etzioni, 1966.
26. Social Theory Today, ed. A. Giddens and J. Turner. Cambridge: Polity Press, 1988.
27. *Turner, Jonathan H.* Sociology: The Science of Human Organization. Chicago: Nelson-Hall, 1986.
28. *Turner, Jonathan H. A.* Strategy for Reformulating the Dialectical and Functional Theories of Conflict // Social Forces, № 53, March 1975.

Оглавление

Предисловие	3
ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА.....	8
Джонатан Тернер Основные направления синтеза диалектической и функциональной теорий конфликта (из журнала «Social Forces», № 53, March 1975)	9
Рэндал Коллинз «Конфликтный» подход к теории стратификации (из книги Collins, Randall. Four Sociological Traditions. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1994)	31
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД.....	47
Талкотт Парсонс Очерк структурно-функциональной теории социальных систем (Из книги: T. Parsons, «Essays in Sociological Theory», Glencoe: The Free Press, 1949)	48
Талкотт Парсонс Новые тенденции в структурно- функциональной теории (из книги: «Fact and Theory in Social Science», ed. E. W. Count and G. T. Bowles, N. Y., 1964)	59
Талкотт Парсонс Функциональная теория изменения (из книги: «Social Change», ed. A. Etzioni, N. Y., 1966)	70
КОНЦЕПЦИИ МИКРОВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	87
Герберт Блумер Символический интеракционизм (Из книги: Blumer, Herbert. Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1969)	88
Литература	105
Оглавление	107

**Социологические парадигмы
второй половины XX века**
Хрестоматия

Издание печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка В. В. Дайбова

Подписано в печать 10.03.02. Формат 60х84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл. печ. л. 6,28. Уч.- изд. л. 6,68. Тираж 230 экз. Заказ № 238

Ризограф РГППУ. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.